

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

СТАРАЯ АКТРИСА НА РОЛЬ ЖЕНЫ ДОСТОЕВСКОГО

*«...Мне 19 лет, я сижу в грим-уборной,
сзади ко мне подходит актер – великий
Ленский. Он берет кисточку, делает
несколько мазков на моем лице – и в зеркале,
на глазах, я становлюсь старухой!
Я плачу! Я не хочу!..»*

(Из театральных мемуаров.)

*Дом инвалидов и престарелых в старинном особняке. В маленькой гостиной с лепным потолком – мебель разных эпох, старинные кресла красного дерева, современный дешевый журнальный столик с телефоном и царственный диван карельской березы – с бронзовыми инкрустациями, львиными головами. Рядом с диваном – эмалированное ведро с надписью «Хлорка» и половая щетка. В другом углу гостиной – крохотная эстрада со старым роялем. На стенах – портреты Пушкин, Толстого, Чайковского вместе с медицинскими плакатами о борьбе с гриппом и кишечными заболеваниями. К стене прислонен огромный фанерный щит с надписью: «А еще я люблю жизнь за то, что в ней можно путешествовать. Пржевальский». (Щит стоял прежде в городском саду, и как-то на зиму его перенесли в гостиную – и здесь забыли.) В гостиной тишина – и никого. Потом раздается скрип отворяемой двери и появляется *С т а р а я а к т р и с а*. Она входит с книгой в руках, останавливается и с любопытством оглядывает гостиную. Прочитав слова Пржевальского на щите. Она радостно хохочет. Смех у нее какой-то заразительный, прелестно молодой... Продолжая смеяться, *С т а р а я а к т р и с а* направляется к эстраде с роялем... Она чуть пританцовывает и даже напевает: «Мы были на бале... на бале... на бале...»*

Г о л о с (будто из-под земли, гнусаво). «И с бала нас прогнали...»

Она замирает, прислушивается, но в комнате тишина.

О н а (поняв, что все это почудилось). «Мы были на бале, на бале... на бале...»

Г о л о с (оглушительно через мегафон). И с бала нас прогнали!.. Прогнали... Прогнали!..»

О н а (оглядывая пустую комнату). Вы где?

Г о л о с (интимно, громким шепотом через мегафон). Я – у себя.

Поняв, что голос звучит из-под дивана, Она направляется туда.

(Вопит через мегафон.) Ни с места!

Она испуганно останавливается.

Санитарная зона – видишь, ведро с хлоркой? Специально протирают вокруг меня! Хо-хо-хо... Испугалась? Небось подумала: трубный глас с того света?.. А это я мегафон стащил из комнаты здоровья. Теперь удобно разговаривать: тут три четверти населения - глухие как тетерева! Кстати, старуха, ты очень глухая?

О н а. Слава Богу, судьба милостива... И я отчетливо слышу ваш противный голос из-под дивана... Кстати, а что вы делаете под диваном?

Г о л о с. Я там живу.

О н а. То есть как?

Г о л о с. То есть так!

О н а. Внизу... живете?!

Г о л о с. А ты наверху живешь... Тебе что, лучше?..

О н а. Ха-ха-ха!.. Ну, все-таки внизу... там ползает... разное...

Г о л о с. А наверху – не ползает?

О н а. Как забавно!.. И что же... вы... там... весь день проводите? Или все-таки выходите на прогулку... на воздух?..

Г о л о с. Эх, старуха-старуха... У нас с тобой теперь прогулка одна – там на воздухе належимся... И вообще, знаешь, сколько я наглотался за жизнь этого треклятого воздуха? Теперь лежу и от вашего чертова воздуха отдыхаю... Хо-хо-хо!..

О н а (*стараясь весело*). Ха-ха-ха!

Г о л о с. А ты, видать, спортивная старуха... Как зашла – слышу: шасть к словам Пржевальского!.. И похохатываешь – смешно читать призыв к путешествиям в Доме для инвалидов и престарелых? (*Таинственно.*) Неужели ты не поняла, курица, о каком путешествии идет речь? О самом быстром и самом надежном: утром обедаешь с родственниками, а ужинаешь – с предками! Хо-хо-хо!

О н а. Ха-ха-ха...

Г о л о с. А у самой поджилки трясутся? А я, грешник, люблю кладбищенский юмор. Я, когда почтальоном работал, сам придумал себе надпись на могилке: «Ушел, не оставив адреса». Хо-хо-хо!

О н а. Ха-ха-ха!

Г о л о с. Ну а ты?.. (*Задыхаясь от смеха.*) Что напишешь на своей?

О н а. Одно слово: «Занято...» Ха-ха-ха! Вот так, почтальон под диваном!

Г о л о с. Нет! Нет! Это прежде я был почтальоном. А теперь я живописец, гений!

Она хохочет.

Ты что-то задерживаешься, хохотливая старуха. Обычно заговоришь с вашей сестрой с кладбищенским юмором, и она тут же ноги в руки – и пулей освобождает мне жизненное пространство.

О н а. Зачем вам столько пространства... если вы – под диваном?

Г о л о с. Видишь ли, старуха, я – философ.

О н а. Как? И почтальон, и живописец, и философ? Я встретила Леонардо да Винчи!.. Ха-ха-ха!

Г о л о с. Поостри, карга!.. Ты еще не знаешь, кого ты встретила! Сколько усилий я потратил, чтобы тут одному в покое философствовать? Я, как прибыл сюда, сначала залег в туалете! За унитаз ухватился, чтобы не оттащили! И лежу себе в туалетной тиши и мыслю: проблемы сплошь мировые – вечная жизнь, добро

и зло, Великий инквизитор. Ан нет, каждую секунду в дверь рвутся! Им плевать, что там философствует живописец и гений! Им... им...

О н а. Писать надо! Ха-ха-ха!

Г о л о с. Ну, кайф! Даешь, старуха! И пополз я прочь из туалета открывать новые территории! И напоз я на эту гостиную. Ах, как тут мне понравилось! Деревья в окне! Лежи себе под диваном – размышляй! Ан опять нельзя – все время топчется здесь разное вредное старичье вроде тебя... Хо-хо-хо!

О н а. Ха-ха-ха... Какой вы...

Г о л о с. Какой я?

О н а. Сукин сын, однако!

Г о л о с. Но я научился с вами управляться... Ты про меня еще ничего не знаешь – ты ведь новенькая?

О н а. Ха-ха-ха... Так обо мне говорили только в школе... Вернулось детство!.. Действительно новенькая... Я час назад сюда приехала... и вышла из своей комнаты – погулять... Ну, пошла по коридору... и в общем... Ну, как бы точнее сказать...

Г о л о с. Забыла номер своей комнаты! Хо-хо-хо! Заблудилась!

О н а. Ха-ха-ха... Как вы догадались? Это так смешно – тут все оказалось одинаковое: комнаты, старушки. Я уже битый час хожу... Ха-ха... Ищу.

Г о л о с. А санитарку спросить стесняешься!

О н а. Ага, решит, что я совсем «ку-ку», ха-ха! И вообще, я все должна делать сама! Надо, друг мой, не давать себе спуску!.. А как вы догадались?

Г о л о с. Я – гений! Номер твоей комнаты – двадцать один.

О н а (*сразу подозрительно.*) Откуда вы знаете номер моей комнаты?

Г о л о с. Если человек под диваном – он и знать ничего не должен? (*Свистящим оглушительным шепотом.*) Мыслящая курица мне все сообщает: кто новенький приехал, кто старенький помер. На случай, если живые новенькие ко мне забредут. (*Громким шепотом.*) Думаешь, ты одна свою комнату ищешь? Это с вашей сестрой через раз случается! Вот мыслящая курица и просит чтобы я вас всех гнал отсюда по вашим номерам. (*Хохочет.*)

О н а. «Как чуден Божий мир, как Божий мир прекрасен...» Какой приятный персонаж – «мыслящая курица».

Г о л о с. А я всех баб «мыслящими курицами» зову. Хотя курицы бывают разные... Вредные, вроде тебя, думать мне мешают – их под нож нужно! А санитарка – полезная «мыслящая кура»: она вокруг дивана хлоркой протирает, еду носит...

О н а. Как... вы... там... едите?

Г о л о с. Значит, если человек под диваном, ему есть не надо? Вы, значит, на диванах, обжирайтесь, а мы, под диванами, с голоду помирай? Дудки! Долой социальную несправедливость! Все люди равны – на дианах и под диванами!

О н а. Ха-ха-ха...

Г о л о с. Какой смех у тебя... Колокольчик!

О н а. Надтреснутый. (*Хохочет.*) Бог не дал мне ни ума, ни внешности, но дал смех! Я очень смешливая... И этого оказалось достаточноб всегда пользовалась успехом у мужчин. Любой скучный идиот сразу ощущал себя о мной великолепным остроумцем!..

Г о л о с. Все, старуха! Норму пребывания в гостях ты перевыполнила! Катись репкой отсюда! Федя будет философствовать.

Она не двигается.

По-моему, ты оглохла?

О н а (*подумав*). Я остаюсь здесь, пожалуй.

Г о л о с. Как? Ты что, ведьма?

О н а. У меня условный рефлекс. Если мне что-то приказывают – я поступаю наоборот...

Г о л о с (*угрожающе*). Старуха!

О н а. Я никогда не умела подчиняться... У собаки есть хозяин, у волка есть Бог! Ха-ха-ха! Я – остаюсь.

Г о л о с. Уходи, старуха, подобру-поздорову!

О н а. Ни за что! Мне тут нравится: деревья, рояль – я так соскучилась по музыке! Я – остаюсь.

Г о л о с. Ох, как я сейчас буду страшен!

О н а. Ох, как мне хочется это увидеть!

Г о л о с (*оглушительно*). Учти, я – сумасшедший!

О н а. Тоже, напугал! Все мои мужья называли меня «сумасшедшей»... Значит, нас здесь будет двое – сумасшедших!

Г о л о с. Учти, я – по правде... Я – эпилептик. Как все гении. Как Достоевский Федя. Я так задрожу, я такую конвульсию выдам!

О н а. Ну и дрожите! На здоровье! Тоже – событие! Надо спокойней относиться к таким вещам. Например, Август Стриндберг... это великий драматург... весьма бытово относился к этим делам. Он вежливо говорил своим гостям: «Простите, господа, я вас покидаю, у меня в два – конвульсия...» Ха-ха-ха!

Г о л о с. Он был их эпилептик, а я – наш... Если я задрожу – я тебя в ключья разнесу!

О н а. Не знаю, не знаю... Пока вы только угрожаете – а дел никаких!

Г о л о с. Ну что ж... Я покажу сейчас – как я гоню из моей комнаты... Тебя обслужить по первому разряду, старуха?

О н а. Уж, пожалуйста, самом полном объеме, уж вы постарайтесь! Напоминаю: смертью вы меня уже пугали, сумасшествием – тоже.

Г о л о с. Ничего, у меня есть кое-что в запасе. Итак, я начинаю говорить правду...

О н а. Очень интересно. Например?

Г о л о с. Например: что это, старая карга, нарумянилась, платье новое надела – небось на свиданку со смертью собралась? (*Хохочет.*) Как?

О н а. Ну просто «кайф», как вы говорите!

Г о л о с. А со старичками я еще «кайфовой». Ишь, говорю, старый хрен, мне санитарка все про тебя донесла. Как ты больным притворялся и довести попросил, а сам ее за плечики все норовил ухватить! Я тебя насквозь вижу, сексуальный маньяк! Хо-хо-хо!

О н а. Здорово вы научились оскорблять людей. Но знаете, я работала в театре, и я знавала таких мастеров этого дела – теперь мою кожу кочергой не оцарапать!

Г о л о с (*вдруг свистит. Потом орет через мегафон, оглушительный вопль*). Громи старуху! Громи-и-и! Ату ее! Ату! Ату!

О н а. Как?.. И это – все?

Г о л о с (*сконфуженно*). Нет, есть еще секретное оружие – мат. ЯЯ мат очень люблю – он речь сокращает! Скажу сейчас одно слово – на три веселые буквы...

О н а (*сухо*). Не успеете! (*Идет в угол.*)

Г о л о с. Ты что?.. Ты куда?..

О н а *(нежно)*. Здесь хлорка в углу стоит... Санитака-курица ее оставила... *(Остановилась.)*

Г о л о с *(в ужасе)*. Ты что?

О н а. Именно! Я буду поливать вас – сверху. *(Вдруг бешено.)* Я выкурю тебя, как таракана! Я уничтожу! Я...

Г о л о с. Не надо! Не смей! Не надо!

О н а *(опять нежно)*. По-моему, вы сдались? *(Вдруг вложила два пальца в рот, оглутельно свистит, орет.)* Победа! Победа! Победа!

Г о л о с. Ведьма! Ведьма! Ведьма!

О н а *(вновь нежно)*. Я – актриса, поверьте, это хуже! Итак, комната моя! *(Идет к эстраде.)*

Г о л о с. Ты что задумала?.. *(Стонет.)* Ты идешь к роялю?

О н а. Ну, в яблочко!

Г о л о с. Ты собираешься мучать слух пожилого джентльмена под диваном?

О н а. Ну, все точно! *(Садится у рояля. Кладет свою книгу на рояль.)*

Г о л о с *(орет)*. Не смей!.. НЕ надо! Умоляю! Если тебе так приспичило играть – точно такой рояль стоит в большой гостиной, я объясню дорогу!

О н а. Никаких больших гостиных! Я провела слишком много лет на людях! И меня здесь особенно прельщает, что единственная физиономия в комнате находится под диваном!.. Ха-ха-ха!

Г о л о с. Не дам! *(Почти плача.)* Ну почему? Ну за что?.. Как я хорошо жил!..

О н и. «Мы были на бале... на бале...» Сегодня у меня особый день. *(Тщательно пытается открыть крышку рояля.)* И я должна себе сделать подарок... *(Крышка не открывается; гомерический хохот через мегафон.)*

Г о л о с. Ну и как – сыграла, старуха?.. Он заперт! С тех пор как я захватил гостиную... Хо-хо-хо!

О н а *(бормочет)*. Боже мой, значит, это и есть тот самый «драгоценный рояль» - «который заперт и ключ от которого потерян»?.. Как я любила эту фразу из «Трех сестер».

Г о л о с. Что ты там бормочешь?

О н а *(не отвечая, бормочет, поглаживая закрытую крышку)*. Первая роль... Жизнь была как беспредельное поле... освещено е солнцем. И вот теперь оглядываюсь назад – и понимаю: жизнь – это очень узкая полоска... и в тени... Может быть, это оттого, что к старости столько забываешь?.. Сон... Сон! *(Она замолкает и недвижимо сидит у рояля.)*

Г о л о с. Ты что там колдуешь?

О н а. Я слушаю, не мешайте!

Г о л о с. Тоже – «ку-ку»? Что ты слушаешь?!

О н а *(вдруг яростно)*. Музыку, сукин сын! *(Бешено.)* У меня в доме живет такой же негодяй, он бьет в стену, когда я играю... Я и научилась слушать музыку прро себя! *(Молчание, она слушает.)*

Г о л о с *(ворчит)*. Ах, не смейте ей мешать слушать музыку про себя... Ах, у нее сегодня особый день... Хо-хо. Что же это за такой день, старуха? Наверное, день твоего рождения? Я угадал? *(Молчание – она все сидит, положив руку на крышку рояля, и слушает.)* И они сдали тебя сюда – в такой день?.. Вместо того чтобы усладить тебя в центре стола и сюсюкающими голосами восклицать: «Ах, посмотрите на нашу бабулю!.. Сколько ей лет? Шестнадцать! За самую молодую среди нас...» Здесь поднимаешься ты, хрустя суставами...

О н а. Убью! *(С неожиданной силой швыряет книгу под дива.)*

Г о л о с *(вопит)*. АРА.

О н а *(яростно)*. Попала! И молчать!!!

Голос замолкает. Она все сидит у рояля, слушает музыку, очевидно с чем-то для нее связанную. Наконец Она поднимает голову и встает со стула.

Г о л о с. Концерт окончен? Бис! Bravo! Брависсимо! Что мы слушали?

О н а *(примирительно)*. «Ноктюрн» Шопена... Верните, пожалуйста, книгу!

Г о л о с. Кстати, а что это за книга? *(В мегафон слышен шелест страниц, затем потрясенный шепот.)* Боже мой!.. Боже мой!.. *(Необычайно взволнованно.)* И ты преспокойно слушала какую-то музыку, швырнув в меня эту книгу?! Ты хоть знаешь, что ты швырнула?

О н а. Отдайте книгу!

Г о л о с *(стонет)*. Это – «Игрок» Феди Достоевского! Самая мистичная Федина книга!.. И ты ее – как камень... в меня?! В Федю! Креста на тебе нет, старуха!

О н а. Стало быть, вы – Федя?

Г о л о с. Это он.... Который ее написал... И это я, в которого ты швырнула...

О н а. Да, это был не лучший мой жест. Пусть простят меня оба Феди... Верните книгу!.. Ее положили мне мои дети... Я люблю этот роман.

Г о л о с *(вопит)*. Что? Что ты сказала?! Ты любишь? Правда, старуха?.. Это все меняет! *(Кричит.)* Все может быть спасено!

О н а. Послушайте, вы вернете книгу? *(Идет к дивану.)*

Г о л о с *(вопит)*. Санитарная зона! Не смей!.. Сейчас верну... *(Нежно.)* Только подержу ее в руках чуток!.. Ах, как я люблю это издание... *(Бормочет.)* Это сразу же после моей смерти... Гляди, здесь надпись дарственная! Ишь ты – подарил... Станиславский?! Ну, ты даешь! А может, ты какая знаменитость? Нет, если бы ты была знаменитость, тебя не сдали бы в этот забытый Богом дом!

Она решительно направляется к дивану.

Сам! Сам!

Из-под дивана навстречу Актрисе летит по полу книга. Она не без труда наклоняется, долго поднимает.

А в общем, будь ты хоть раззнаменитой – все равно тебя не знаю. Я по вашим театрам не хожу, я в пивбар хожу. *(Вдруг шепотом.)* Но какой, однако, пасьянс получился? Ты – Актриса, ты Федю, ты принесла с собой роман «Игрок», тот самый мистический роман, о котором я мучительно философствовал все это время! Боже, я сейчас сообразил, почему не разодрал тебя в клочья, почему позволил надругаться над моей комнатой. *(Шепчет.)* Я тебя предчувствовал, старуха!.. Я все важное всегда предчувствую... Однажды я... то ест он, Достоевский Федя... так написал об этом: «Я в каком-то ожидании чего-то... Я как будто болен теперь. И кажется, со мною должно случиться что-то очень решительное – может быть, тихое, может быть, грозное. Во всяком случае – неизбежное».

О н а. Как? Вы это... наизусть?

Г о л о с *(странно)*. Я всего Федю... могу наизусть... *(Помолчав.)* Как хорошо, что твои дети засунули тебя в этот дом!

О н а (*бешено*). Да что ж вы повторяете, как попугай! Просто тупица какой-то!.. Меня никто никуда не засовывал, ясно?

Наступает молчание.

Ну что вы там притихли?.. Я не хотела на вас кричать!.. Я могу вам все объяснить, перед тем как уйду... в эту... ну, в эту...

Г о л о с (*насмешливо*). Ну, в какую?

О н а (*беспомощно*). Ну?..

Г о л о с (*великодушно*). В двадцать первую!

О н а. Вот именно – в двадцать первую! Мои дети уехали отдыхать на юг. Они пятый год без отпуска. И я сама настояла! Они отбыли всего на неделю! А так как директор этого дома – наш знакомый, я решила обождать детей здесь. Вот и все! Всего неделю!

Г о л о с. А почему бы тебе, старуха, не обождать их всего неделю в вашей уютной квартирке?

О н а (*неловко*). Я забываю выключать электрическую плиту на кухне... Все помню, но эта ужасная плита... Что делать – я всегда забывала то, что меня не очень интересует. Ха-ха-ха... И еще... Я постоянно падаю на улицах.

Г о л о с. Здорово! Надеюсь, в лужи падаешь?

О н а. На за что! Я плюхаюсь только на сушу... Вдруг головка томно кружится – и... Я так часто падаю, что называю себя «падшая женщина». Ха-ха-ха... Ну не могут же они отдыхать и все время беспокоиться? Ну, ладно... Я устала... Я пошла?

Г о л о с. Ни за что, старуха! (*Торжественно.*) Сейчас я сообщу тебе мистическое!.. Но сначала... Мы должны узнать друг о друге поподробнее... Кстати, у нас с тобой много общего. Я тоже часто плюхаюсь на улицах... когда мне морду бьют! Хо-хо-хо! Как раз на днях отлупили!

О н а. Какие ужасы вы рассказываете, Федя!

Г о л о с. Нормалек! Потому я – тут! Я всегда, как избьют меня до полусмерти, сюда ползу! Как в берлоге – отлеживаюсь! Да, кстати: ты здесь всего на неделю? Отдай мне твою дополнительную подушку... А то есть закон Архимеда: чем больше избита морда, тем выше она лежать должна! Хо-хо-хо!

О н а. Ха-ха-ха! Я принесу вам вторую подушку, драчун! И это в нашем-то возрасте – драться! Ах, как мне это в вас нравится! Я считаю: главное нам не сдаваться! Любой ценой!

Г о л о с. Никогда!

О н а. Ни за что!

Г о л о с. Мне приходится драться все время... Я – гений, мне за картины тыщи платят! И вот она – чтобы бороться с культом моей личности – и бьют меня.

О н а. Кто – «они»?

Г о л о с. Реалисты!.. Нет, реалисты били раньше, когда я был абстракционистом. А теперь я стал реалистом – теперь меня бьют... Кто?

О н а. Абстракционисты? Ха-ха!

Г о л о с. Хо-хо-хо! В этот раз дело было точнее, било так. Иду я мимо «Гастронома»... А оттуда – шасть реалисты... то есть, пардон, абстракционисты... А у меня как раз в кармане – тыща сотнями, я ее за портрет отхватил... Спрашивают: «Есть деньги?» Я: «Нету». Они идут рядом. Я понимаю: сейчас обыщут – найдут деньги, избьют... И вот, пока мы шли, я так незаметно, незаметно все деньги по сотне и выбросил. Хо-хо-хо! Повезло! И вот тогда-то я им глаза открыл на их живопись! Тут взяли они меня за грудки...

О н а. Нет, определенно мне все это очень нравится! Но ведь они вас когда-нибудь убьют!

Г о л о с. Ну что ты, старуха! Если бы хотели – давно убили. А они только бьют, чтобы я падалью себя чувствовал, чтобы падучая моя повторялась... Помнишь, как Федя описал: «Падучая приходит мгновенно. В это время вдруг искажается лицо, особенно взгляд. Конвульсии и судороги овладевают всем телом, всеми чертами... Страшный, невообразимый, ни на что не похожий вопль вырывается из груди – и в этом вопле исчезает все человеческое...»

О н а. Как? Вы опять... наизусть?

Г о л о с (*не отвечает*). Но сейчас... Сейчас ее быть не может – потому что у меня к тебе мистическое дело... Все душевные силы мои устремлены на это дело. Итак, старуха, смогла бы ты сыграть?

О н а. То есть как? Что... сыграть?

Г о л о с (*торжественно*). Смогла бы ты сыграть роль?

О н а. Ха-ха-ха... Ну что вы, я давно ушла со сцены... С ролями покончено, друг мой.

Г о л о с. Соврала! Как можно покончить с тем, для чего родился? Разве я могу перестать рисовать?.. Я как увижу красивое – непременно нарисую, чтобы восторг свой небу явить. А некрасивое – на за что! Я Федя, певец красоты... Вот санитарка меня просит: «Нарисуй!» - «Не могу, - отвечаю, - я красавиц только рисую, а ты молодая, сисястая, но не красавица». А вот ты, старуха, - красавица!

О н а. Это вы из-под дивана рассмотрели?

Г о л о с. Да-да, по ногам! Я все по ногам определяю: и характер, и лицо... и даже прическу....

О н а. Вы просто палеонтолог какой-то!

Г о л о с. Среди людей красивые – редки. Вот среди животных – навалом красавцев! На днях я рисовал пуделя: нос бликует, язык алеет, шерсть – антрацит! И весь он – просто сложный красавец! Только чтобы рисовать, мне изучить надо. Я тебя за месяц изучу!

О н а. А, у вас тоже плохо с памятью... Я говорила: я здесь всего на неделю!

Г о л о с. И через месяца полтора – твой портрет готов...

О н а. Да что ж вы – оглохли? Я через неделю – тю-тю!

Г о л о с. Странно, я всегда чувствую, что будет. Я гений, старуха! Ничего, что я зову тебя старухой?

О н а. Мне необходимо как можно чаще это слышать... А то я опасно забываю свой возраст. «Старайся рано постареть, если хочешь долго прожить!». Я очень хочу! В молодости я часто не хотела жить! Как я была безнадежно стара в девятнадцать лет! Всю жизнь я куда-то спешила, спешила! Я не представляла свою комнату без раскрытого чемодана. И вот чемодан закрыты, жизнь прошла, а у меня ощущение радостного покоя... Жажда жить, будто я только-только начинаю! Очень много надо прожить, чтобы стать молодой... Ха-ха-ха!

Г о л о с. Я так ясно увидел сейчас – как ты играла красавиц!

О н а. Я играла влюбленных девушек с задыхающимися голосами. Они торопили жизнь, они были полны энтузиазма, как время!.. Сколько девушек по улице ходили с моей челкой, в моей беретке, в моих спортивных тапочках... И когда я не смогла все это носить, чтобы не быть смешной, я ушла... Старый соловей – в этом уже противоречие! Ха-ха-ха!

Г о л о с. Жаль, что ты в кино не снималась! Я все кино смотрю, и новые, и старые, а тебя не видел.

О н а. Я презираю кино... Может быть, потому, что была при его рождении... Для меня кино – это промышленное выращивание жемчуга! Ха-ха-ха!

Г о л о с. И тебя никогда не хотели снимать?

О н а (*гордо*). Всегда хотели. Я отказалась от тыщи ролей. Но они не унимаются до сих пор! Им не терпится предъявить миру мое изношенное лицо... Но я умею дать отпор... В последний раз один особенно назойливый негодяй спросил по телефону, не хочу ли я играть в его картине «Чайковский». Я ответила: «Я Чайковского играю только на рояле». Ха-ха-ха!

Г о л о с. И ты никогда не пыталась вернуться на сцену? За все эти годы?

О н а. Та... «вечно юная» умерла вместе со своим знаменитым голосом и псевдонимом. И со своим временем. Осталась я, со своей настоящей и, слава Богу, никому не известной фамилией... Я надеялась, что они забыли меня на четверть века... Но сейчас в моде «ретро»... И предприимчивые прохиндеи, как мухи, кружатся надо мной... В эту игру они включили даже моих наивных детей... Недавно я болела – и дети подослали мне старого врача... Старый врач должен был породить во мне ностальгию по сцене. Он сделал вид, будто не знает, кто я. «Ах, как меня тревожит ваш голос и смех, – сказал он, прикикая стетоскопом к моей увядшей груди. – Ах, как вы напоминаете мне мою любимую актрису... И куда он только делась?» И вот тут я схватила его зубами за ухо...

Г о л о с. Хо-хо-хо!

О н а. Когда я отпустила – как он бежал! Ха-ха-ха!.. Послушайте, какого черта я болтаю с вами на эти банальные темы, а? Наверное, потому, что вас не вижу! Ха-ха! Как это все скучно! Какое счастье, что с той жизнью покончено! Сегодня ночью я прощусь с последней привычкой из той жизни – всегда засыпать только в своей постели... Поверьте, соблюдать ее было нелегко... Но скольких искушений я избежала! Как говорил мой учитель: «Если хочешь разбить благонамеренное буржуазное искусство – веди жизнь благонамеренного буржуа». Ха-ха-ха! Черт возьми, сегодня я – как юная девушка, которая в первый раз готовится не ночевать дома. Ха-ха-ха! В честь этого события я и сделала себе подарок – «Ноктюрн» Шопена... А все-таки, почему я с вами столько болтаю? Может, голос из-под дивана напоминает Страшный суд?

Г о л о с. Ах, лживая старуха! Неужел ты думаешь обмануть гения под диваном? Ты говорила: я рада, что ушла из театра... Ч то все прошло... А в это время твои ноги... твои старые ноги выделявали молодые, бесстыдные вензеля – и тянули, тянули тебя сами – к эстраде! (*Вопит.*) Лгите, люди! Но ваши ноги вас выдадут! Ноги – искренни!

О н а. Немедленно! Замолчите!

Г о л о с. Ну! Правду! Осмелись рассказать правду!

О н а. А почему это я должна?..

Г о л о с (*перебивая*). А потому что – «Страшный суд»!

О н а. Ну, совсем «ку-ку»! Вас выметут завтра из-под дивана вместе с мусором! А может, вас вообще нет?

Г о л о с. Правду! Правду! Правду! (*Свистит.*)

О н а. Перестаньте вопить!.. (*Подумав.*) А, черт с вами! Провалитесь вы!.. Самые счастливые минуты за все эти годы – это... это когда раздавались звонки моих прежних, престарелых друзей – и они с трепетом просили подготовить их бездарных потомков показаться в театр! Сдерживая безумную радость – нехотя, капризная, – я соглашалась! И наступало забытое счастье репетиций. Но все это было лишь увертюрой к счастливейшему дню – дню показа. В тот день я

поднималась рано. Моя старая гримерша – безропотное создание, боготворящее меня всю жизнь, – покрывала мое лицо толстым слоем штукатурки. И я отправлялась в театр... Зачем? Чтобы «подыграть» во время показа очередному бездарному ученику... А на самом деле? Чтобы только выйти, выйти вновь на сцену! Ах, кого я только не «подыгрывала»! В последние годы... Клеопатра... Офелия.. Джульетта!. Я представляю, как они сидели в зале, зажав рты, чтобы не расхохотаться... Но я возвращалась домой – и ждала! Ждала звонка! Они должны были понять, что я еще живая, что я – гожусь!.. Но они не звонили!

Г о л о с. А если бы позвонили?

О н а. Я отказалась бы! Я все равно отказалась бы! Но они должны были позвонить. Бедная гримерша – как я изводила ее в эти дни!

Г о л о с. Значит, я прав! Ты хочешь играть... *(Торжественно.)* А сейчас я предложу тебе сыграть!

О н а. Никогда не думала вернуться на сцену в Доме для престарелых. Ха-ха-ха! *(Как бы шутя, но с нетерпением.)* И кого же сыграть?

Г о л о с. Ее! Ее – которая в старости вспоминает всю свою жизнь.

О н а *(совсем нетерпеливо)*. Кого – ее? Совсем «ку-ку»?

Г о л о с. Две женщины определили Федину жизнь... И обе дожили до глубокой старости. Одна – его юная жена, несравненная Анна Григорьевна! Лучшая из жен в российской литературе. «Этой отваги и верности перевелось ремесло – больше российской словесности так никогда не везло...» И другая – безумная страсть его через всю жизнь, сладчайшая мучительница Аполлинария Сулова... Ты найдешь ее во всех... моих.. то есть Фединых романах: это она – Настасья Филипповна... она – Грушенька... И наконец, она... тут даже имя оставлено – Полина из «Игрока»... Книга, которую ты швырнула мне в голову! Ах, старуха... Как мне нужно, чтобы ты представила минувшее... И тогда... *(кричит)* меня перестанет мучить по ночам неясность воспоминаний... и вызывать припадки!

О н а. Как я поняла, вы хотите, чтобы я сыграла пьесу «Женщины Достоевского»?.. *(Со смешком.)* Но я никогда не слышала, что такая пьеса есть.

Г о л о с *(шепчет)*. Но будет... Я ведь гений...

О н а. Значит, вы ее напишите? Под диваном?

Г о л о с. А почему под диваном писать нельзя, а на диване – можно?.. Ах, старуха, в этой пьесе мне писать ничего не придется. *(Шепчет.)* Дневники есть... подлинны! Полиньки Суловой и Анины – воспоминания... Их ты и сыграешь!

О н а. А где мы возьмем здесь все эти дневники?

Г о л о с. Со мной они, старуха! Всегда со мной... Под диваном лежат. Это – вечная моя... то есть Фебина, привычка! Федя Достоевский всегда возил с собой свои любимые книги – Евангелие и «Дон Кихота». И я вот тоже! Воспоминания эти с собой всегда вожу; я из-за этих книг даже от любимого кота отказался... Я все в них наизусть знаю... Я многое помню *(шепчет)* до сих пор! Ну, согласна, что ли?

О н а *(не знает, как вести себя в этой странной волнующей ее ситуации, и решает все обратить в шутку; кокетливо)*. Ни за что! Я не люблю играть пьесы с двумя главными женскими ролями!.. Ха-ха-ха!.. Знаете, когда я только поступила в театр, прежняя премьерша, на все роли которой я была назначена, встала в кулисе... И когда я проходила на сцену, она молча и больно щипала меня... У меня зад был просто голубой от синяков. И хотя мой тогдашний муж умирал от ревности – я ее не выдала! Потому что я – такая же! Я – собственница! Я даже гримерше своей запрещала гримировать других актрис! Ха-ха-ха!

Г о л о с (*серьезно*). В твоей пьесе будет только одна женская роль... Ты должна сыграть ту, на кого так похожа... (*Кричит.*) Красавицу! Апполинарию Суслову!.. Ее дневники ты мне представишь!

О н а. Ха-ха-ха!

Г о л о с. Не надо смеяться... Не надо со мной как с сумасшедшим... (*Громким шепотом.*) Ты ведь уже поняла, кто здесь, под диваном. (*Замолчал. Потом почти жалобно.*) Узнала? (*Помолчав.*) Это я – Федя...

О н а (*почти шепотом*). Какой.. Федя?

Г о л о с (*совсем тихо*). Достоевский... Федя.

О н а (*стараясь смеяться*). Ха-ха... (*Замолчала. Потом, тихонечко кружась.*) «Мы были на бале... на бале... на бале...»

Г о л о с. «... И с бала нас прогнали! Прогнали по шеям!»

Внезапно Старая актриса замирает и опускается на пол.

Прошло несколько дней. Та же гостиная. Бородатый человек средних лет сидит на диване и смотрит перед собой тяжелым, напряженным взглядом. Появляется Старая Актриса с книгами в руках. Она в изумлении смотрит на странного субъекта, но тот будто не замечает ее. И вдруг Он начинает говорить – безостановочно и куда-то в пространство.

О н. Вы пришли навестить старого джентльмена под диваном? (*Кричит.*) Эй, старый клоун! Драчун! Эпилептик!.. Молчит!.. Ты будешь отвечать?.. Опять молчит! Может, очоурился? Говорят, неделю назад сюда пришла какая-то древняя красавица с прелестным овалом лица...

О н а. Я бы сказала – обвалом лица... Ха-ха-ха!

О н (*будто не слыша*). Ну, старый ловелас клюнул на ее антикварные прелести. А она возьми да грохнись в обморок. И на неделю исчезла... А он не выдержал разлуки – и, видать предпринял путешествие по Пржевальскому... Хо-хо-хо!

О н а. Ха-ха-ха! (*Изумленно.*) Это... вы?!

О н. А это – вы... Самая пора прочесть стихи: «Я встретил вас, и все бывшее в отжившем сердце оживило...»

О н а. Почему вы покинули ваше оригинальное гнездышко? (*Передавая книги.*) Спасибо за книги!

О н. Мегафон изъяли. А без мегафона трудно общаться с внешним миром... Человечество еще только приспособляется к жизни под диваном... Пришлось вот лезть вверх – в толпу!

О н а. Но вы – совсем молодой!.. Как вы очутились в этом доме?

О н. Пардон, старуха: этот дом – для (*с ударением*) инвалидов и престарелых. Я – эпилептик, то есть? Полноправный инвалид, член дома!.. А здорово ты грохнулась!.. Гляжу, кружится, как молодая коза, и – бац!

О н а. Ну еще бы – узнать, что ты беседуешь с Достоевским! Если бы вам сообщили, что я – Вильям Шекспир или Сара Бернар?

О н. Я все равно не знаю, кто такая твоя Сара! (*Хохочет.*) Я про пиво все знаю!

О н а. Но я-то знаю, кто такой Достоевский! И вот кружусь себе от восторга – и р-раз!! Я уже в этой... Ну?.. Черт!

О н (*милостиво*). В двадцать первой.

О н а. Ну и что? Да, эти ужасные цифры – не моя стихия!

О н. А я обрадовался, когда ты шлепнулась: будет знать, ведьма, как терроризировать джентльменов под диванами! Ну а потом сменил гнев на милость и велел «мыслящей курице»: «Коли ведьма не окочурилась» - отдай ей «Дневник» мучительницы моей, красавицы Аполлинии Суловой... чтобы старуха готовилась ее представить... и «Воспоминания» жены моей Анны Григорьевны... чтобы старуха все знала о той, кого я предпочел... чтобы поняла мой выбор.

О н а. Спасибо, Ваши книги буквально поставили меня на ноги! Правда, меня несколько удивили дарственные надписи на этих книгах...

О н. А чего? Там написано: «Феде Достоевскому от Володи Высоцкого»... Понимаешь, старуха, мне стало так обидно, что твою книгу надписал Станиславский. И я все свои книги тоже надписал – *любимыми именами...* Рад, что книги пришлись тебе по сердцу и что ты горишь желанием представить мою Полину... О мучительный следок ее ноги! О Хлыстовская Богородица, о святая всех расстриг – Полина Сулова! Кстати, ты обратила внимание, ведьма, на подчеркнутые мною места?

О н а. Ненавижу, когда портят книги!.. Но хочу отдать вам должное: вы все очень точно отметили... Получился готовый литературный монтаж – «Женщины Достоевского».

О н. Никак не хочешь сказать: «Твои женщины, Федя»... Тебя просто корежит, когда я произношу: «Мои», «Я»... Если бы ты знала, ведьма, каких духовных сил мне стоило понять, что я – это он. Кстати, ничего, что я зову тебя ведьмой?

О н а. Меня так никто не называл... А я обожаю все впервые!

О н (*шепотом*). Все случилось со мной, когда я письмоношцем работал. Знаешь я, как всегда в пивбар после разноски... там мужик – рыжий-рыжий! Ну типичный маг! Надрались мы с ним по-черному. И вот тут он говорит: «Знаешь ли ты, Федя, что после смерти дух наш переселяется в других людей, или в животных, или в растительность?» И вот с того дня он поселился во мне: начал я все время думать – кем же я был до себя... Вот ты, к примеру, кем была, старуха?

О н а. Я?.. Камышовым медведем... или пингвином... Ну, чем-то очень нелепым.

О н. Нет! Ты – красавица. Ты была наверняка райской птичкой или, на худой конец, павлином... Прости, у меня привычка отвлекаться, как у всех психов... Короче, хожу по улицам и думаю, думаю: кем же ты был, Федя? Не сплю, не ем... так бы и помер.. Но тут рыжий маг подсунул мне Федино сочинение – «Идиот». Читаю – матушки родимые! Идиот в кавычках – да в этом же весь мой пафос! Хватаю Федину биографию! Он – Федя, я – тоже. У него припадки, у меня – тоже! Я проклинаяю свои грехи, но держусь за них, он – тоже! Я всегда требовал принять меня таким, как есть, - «черненьким», он – тоже! И так далее! Бега к рыжему магу... «Претензия у тебя слишком серьезная, - говорит маг, - надо тебе устроить самопроверку. Если ты это он, то должен быть гениален в каком-нибудь роде искусства». Я тут же хватаю карандаш – и пошел чесать!

О н а. Что... пошли?

О н. Рисовать в смысле.

О н а. Гениально?

О н. Ну, точно! Читаю их рыжему магу – и он говорит: «Как дважды два четыре, ты – это он!» Ну, тяпнули мы с ним на радостях... Только не осуждай меня, старуха.

О н а. Ну что вы... Я бы сама назюзюкалась, узнай что я – Достоевский!

О н. Смеешься... Трудно тебе поверить, старуха. Это потому что ты все умом. Ум – смерть веры... Ты сердцем поверить старайся... Ты представляешь, как я обрадовался... что ты воочию представишь мне мою Полину?.. Неужели все оживает, старуха? Неужели я перенесусь в прошлое?..

О н а. Ха-ха-ха! Как все это очаровательно, нелепо... В этом что-то такое дикое... такое... Ну что только со мной может случиться!.. Кстати, почему вы решили, друг мой Федя, что я должна... представить... Суслову?

О н. Глупость спросила! Во-первых, вы с ней обе – красавицы...

О н а. Как? Я для вас красавица не только когда вы под диваном, но и на диване? Ха-ха-ха!.. А моя несколько... излишняя седина...

О н. Это Божья серебряная сетка на золотых волосах...

О н а. А обвал лица, морщины...

О н. Я вижу только голубые глаза... сквозь зимнее окно в прожилках изморози... Итак, ты – истинная Полина: ты дожила до глубокой старости... И вот ты вспоминаешь... Возьми Полинину книгу...

О н а *(не отвечая, подходит к роялю)*. Боже мой, кто-то открыл крышку? *(Радостно хлопает в ладоши.)*

О н. Это мой подарок тебе – по случаю воскрешения Полины Сусловой...

О н а *(садится у рояля и всю дальнейшую сцену она ведет, перебирая клавиши)*. «Мы были на бале... на бале... на бале...» Федя, я отношусь с уважением к вашей странной идее... Вы это поймете по тому, как я буду с вами откровенна... *(Играет.)* Какая я, к черту, Аполлинария Суслова? Она и в старости была победоносная обольстительница! В нее влюблялись – до смерти! Каламбур...

О н. Да что ж ты несешь, старуха?

О н а. Нет-нет, чтобы ее сыграть – надо иметь самочувствие Сары Бернар в расцвете славы! Для меня все это в далеком прошлом!..

О н *(яростно)*. Ты что же – отказываешься?!

О н а *(застенчиво)*. Не совсем так... *(Перебирает клавиши.)* Во всем этом что-то есть!.. Я бы даже попробовали... но не Полину... *(Замолкает.)*

О н. Ты сошла с ума...

О н а *(совсем застенчиво)*. Анну Григорьевну Достоевскую!

О н. Свихнулась, карга? Моя Аня была скромницей. Во всем – в лице, в повадках... А ты... ты...

О н а. Что – я? *(Холодно.)* Что вы знаете обо мне, наглец?

О н. Ты не вылезала из роскошных туалетов! А у Анны Достоевской не было денег на лишнее платье!.. Я будто вижу тебя... в твоей молодости...

О н а. Как интересно! Что там видит этот мерзавец?

О н. Ты в роскошной каракулевой шубе. Было?

О н а. Это называлось манти! *(Бьет по клавишам.)*

О н *(будто в экстазе)*. Твои руки – в роскошной муфте!.. Носила?

О н а. Браво! *(Играет.)*

О н. На ногах – моднейшие туфли с драгоценной пряжкой!.. И кокетливые ботики...

О н а. Все точно! Да здравствуют ботики!.. Завязка всех романов: когда он, встав на колени, помогал ей снять с ножки эти трогательные ботики... Ее ножка – в его руках... Да! Да! Я все это действительно носила... *(Кричит.)* Но на сцене! Самодовольный наглец! Прохвост! Спорщик. *(Бьет по клавишам.)* Как это ни странно, ты описал мой знаменитый туалет из французской пьесы... Ох, как я сводила в нем с ума! *(Напеваает шансонетку.)* А в жизни... как я была скромна!.. Так

скромна... Так скромна... как... Анна Григорьевна, сукин сын! (*Бешенный ритм рояля.*) Ха-ха-ха!

О н. Старуха! Опомнись! Ты все еще – из чувства противоречия!

О н а. И я всегда плевала на одежду! В двадцатые годы я содрала с окна плюшевую занавесь, прорезала дыры для рук и головы – и носила как зимнее пальто!! Ха-ха-ха! (*Бешеная музыка.*)

О н. Старуха!

О н а. В тридцатые годы на мне были блузка, беретка, юбка и спортивные тапочки! И в этом туалете всюду – и во дворец и на паперть! Мы были первые хиппи! Мы показывали пальцем на тех, кто наряжался! Мы их осмеивали! Революция отменила туалеты! Мы жили идеями, а не вещами. Мы были такие идейные, как... как.. Как Анна Григорьевна, негодяй! (*Бурная мелодия.*) Нет, еще идейнее! Потому что это было суперидейное время! Ах, какой тогда был ветер! Ветер революции! Всюду выставки, диспуты! Всё – на улице! И всё бесплатно! Всё – для всех! Музеи, трамваи! Мы ездили на трамвае... Это было развлечение! Мы пели прямо из окон (*Поет песенки двадцатых годов.*) И впоследствии мой муж номер два...

О н (*стонет*). Но у моей Ани был только один муж! На всю жизнь. А сколько их было у тебя, старуха? Сколько было номеров твоих мужей?

О н а. Это не важно... Потому что... Потому что я всегда любила только его... Только одного... как... как Анна Григорьевна, прохвост! (*Бешеная мелодия.*) Разговор окончен. Я готова сыграть Анну Григорьевну.

О н. Ну подожди, старуха, ну послушай!..

О н а. Бесплезно... Анну Григорьевну!

О н (*обольщая*). Как я любил Полину. Я уже погибал, когда видел «мучительный следок» ее ноги. Послушай, что говорит герой в «Игроке» о Полине... Это я говорил когда-то Аполлинарии: «..Не сердитесь, я просто сумасшедший. Мне стоит только вспомнить, вообразить шум вашего платья, и я руки себе искушать готов... Знаете ли вы, что когда-нибудь я вас убью. Не потому убью, что разлюблю или приревную.. А так просто убью.. Знаете невероятную вещь: я вас с каждым днем люблю все больше – а ведь это невозможно!.. Скажите слово – и я соскочу в бездну... Человек – деспот от природы и любит быть мучителем. Вы ужасно любите!..» Полина была великая мучительница!.. Это и в тебе есть, есть! Я чувствую!.. Полина коршуном висела над Аниной жизнью... И до конца дней своих моя Аня умирала от ревности... Аня!.. Аня даже в дневнике не смела назвать ее по имени. Она называла ее (*смешок*) «особа»! (*Передает ей лист.*) Ты только прочти, что написала Аня в тайно м дневнике своем... И это в дни нашего свадебного путешествия! Читай!

О н а. Я с листа не умею... Я начинаю волноваться.

О н. Брось, старуха, здесь никого нет!

О н а. Здесь есть Я – и этого достаточно!

О н. Брось!.. Ты не можешь этого прочесть, потому что ты, красавица, никого не ревновала... Ревновали тебя.

О н а. Мерзавец! (*Лихорадочно начинает читать.*) «Среда. Одиннадцатое сентября тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года. Мне сейчас представилось, что та особа приехала сюда, в Женеву, что Федя видел е тайно, ничего мне не говоря... О! Они думали, что я ничего не знаю, смеялись бы надо мною!.. Нет. Никогда этого не будет! Я слишком горда! Потому-то я дала слово всегда наблюдать за ним и не доверяться слишком его словам! Положим, то это дурно, -

но что делать. Я не могу быть спокойной, если так люблю Федю, что ревную его! Да простит меня Бог за то, что хочу шпионить моего мужа... Мне представилось, что он вместо того, чтобы ходить в кофейню читать газеты, - ходит к ней! Меня все это до такой степени поразило, что я начала плакать, да так сильно!.. Я сжимала себе шею, кусала руки и просто боялась, что сойду с ума! Я плакала Бог знает как и страдала невыносимо. Одна мысль об этой подлой особе, которая меня, вероятно, так не любит, что способна нарочно ему отдаться, чтобы насолить мне, зная, что это будет для меня горько. Неужели все мое счастье рухнет? Господи! Я, кажется, умру, если... так будет!..»

О н. Bravo! Я вижу... Ты умела ревновать к пустому... И ты тоже шпионила своих мужей, как... как...

О н а. Как Анна Григорьевна, мерзавец!

О н. Да, но при этом ты любила себя, а она – меня.

О н а (*ледяным голосом*). Послушайте, я никогда не просила ролей... Я только намекала...

О н. Ах, как страшно! И все, конечно, немедленно...

О н. Полина! Типичная Полина!

О н а (*холодно*). Анна Григорьевна, дегенерат!

О н (*вдруг ударил себя по лбу, захохотал*). Ах, старуха! Мы вправду двое сумасшедших! Мы чего-то спорим, ругаемся, а ты ведь не сможешь играть – ни Полину ни Аню! Да! Ну, что уставилась, ведьма? По-моему, ты забыла: прошла неделя – и, следовательно, сегодня тебя должны забрать домой твои отпрыски! Хо-хо-хо!

О н а (*сначала растерялась, потом кокетливо*). Ах да! Ну конечно! Вот - типичная моя память! Все самое нужное забываю! Ха-ха! (*Указывая на телефон*). Работает?

О н. Прекрасно работает. Лучше не бывает!

Она торопливо набирает.

Итак, мы прощаемся, Полина?

О н а (*набирая*). Анна Григорьевна, дебил! (*Нежно*.) Как я люблю сцены прощания... Говорят, они мне удавались. (*В трубку*.) Алло, это я... Все прекрасно... Прости, что не звонила, - ты знаешь, я плохо ощущаю время... Так всегда: только приехала – и, оказывается, уже прошла неделя! (*Выслушивает. Удовлетворенно*.) Они волнуются? То-то! (*Выслушивает*.) Зачем они купили билеты? Им не нужно прилетать завтра! Немедленно сообщи – пусть они сдадут эти билеты: я вчера слушала радио – там замечательная погода! Скажи, что я приказала!.. Чтоб раньше чем через десять дней их духу здесь не было!.. Ха-ха-ха!.. Да, я весела... Почему? Ха-ха-ха... Это моя тайна. Милочка, самое прекрасное в человеке – таинственность. У кого она исчезает – тот погас! Скоро позвоню... И может, разрешу тебе меня навестить. Ха-ха-ха! (*Кладет трубку*.) Это моя гримерша. Самое смешное: она моложе меня, но всю жизнь заботится обо мне, как о ребенке.

О н. По-моему, ты остаешься, старуха?

О н а. Да. Еще на десять дней! Ура! (*Вновь садится к роялю*.) Итак, с сегодняшнего дня...я начинаю репетировать Анну Григорьевну... Поэтому мне надо хорошенько выспаться... Кстати, это оказалось очень трудно без дополнительной подушки, которую я так легкомысленно отдала... Гоните назад подушку!..

О н. Какая наглость! Захватила мою комнату, роль, которую не должна играть... и теперь хочет захватить подушку?

О н а. Но это моя подушка...

О н. Это ваша бывшая подушка – и моя нынешняя. Я достаточно все задаром делал, когда был он. В этом веке – все должно быть наоборот!

О н а. Уж не хотите ли вы продать мне мою собственную подушку?

О н. Это мысль! Мне очень нужны деньги... Я мечтаю забрать сюда моего любимого кота... Кот страшно прожорлив – и ест только дорогие продукты... Потому что мой кот – тоже гений! Когда я пишу стихи, он садится на стол и через плечо заглядывает в рукопись.

О н а. Не отвлекайтесь от подушки!

О н (*невозмутимо продолжая*). Однажды я решил все проверить. Я вышел из комнаты... а потом на цыпочках вернулся... Что, по-твоему, делал кот? (*Шепотом.*) Он – читал! Итак, я продам тебе подушку!

О н а. Ваше предложение – такое наглое, что даже мне нравится. Жаль, что у меня нет денег. Они меня никогда не любили. Ха-ха-ха! Я всегда их тратила!

О н. Ну что ж, готов на компромисс: кольцо, которым так кокетливо поигрываешь!

О н а. У вас хватит совести стащить кольцо с пальца женщины? О н. Ради моего кота-гения? Вне всяких сомнений.

О н а. Хорошо гусь... (*Царственно.*) Держите... (*Передает кольцо.*)

О н. Не гусь, а кот... Подушку вам сегодня принесет «мыслящая курица»!.. Кстати, могу отдать подушку даром, если... Если ты согласишься на Полину!

Она только смирла его взглядом.

Ну что ж, назад пути нет! (*Резко меняя тон, церемонно.*) Анна Григорьевна, нижайше прошу вспомнить со мной столько дорогие цены нашей общей жизни: нашу первую встречу... Объяснение в любви... И конечно, наше свадебное путешествие, обернувшееся безумной моей игрой... Наверное, больше мы не успеем, ты ведь должна скоро...

О н а. Через десять дней... Только нужны все эти сцены чем-то закончить.

О н. Тем, чем они закончились, - моей смертью!.. Хо-хо-хо! Итак: Любовь – Игра – Смерть! Вся пьеса!

О н а. Во время болезни я придумала начало: Анна Григорьевна, старая, со свечой стоит перед конторкой... Она одна в доме... перед нею лежат ее записи... И этот ворох бумаги есть (*горько*) вся ее жизнь. (*Открывает книгу «Воспоминания Анны Григорьевны» и начинает читать.*) «В тысяча девятьсот десятом году, живя в полнейшем уединении, я мало-помалу погрузилась душой и мыслями в прошлое, столь счастливое... И это помогло мне забыть... пустоту и бесцельность моей нынешней жизни».

О н. Плачешь?

О н а (*читает*). «Перечитывая записные книжки мужа и свои собственные, я находила в них такие интересные подробности, то мне хотелось немедля их записать, уже не стенографически, а общепонятным языком». (*Вытирает слезы.*)

О н. Нет! Нет! Ты не так плачешь! Ты себя жалеешь!.. А моя Аня себя никогда не жалела. Она меня жалела... Если бы Аня свиделась со мной через сто лет... разве бы она о себе плакала? Она на грудь мне сначала бросилась бы!.. Она меня спросила бы: «Как ты жил, Федя?..» (*Будто отвечая.*) «Ах Аня!.. Я теперь –

безвестный страдалец. Люби страдальцев, в них правда! Я принес тебе свои стихи. Аня, чтобы ты ерез них душу мою поняла...» *(Протягивает ей тетрадку.)* Прочти!

О н а *(ей скучна эта новая безумная игра ей очень хочется продолжить чтение «Воспоминаний Анны Григорьевны»)*. Спасибо, мой друг, спасибо! *(Бросает тетрадку на стул.)*

О н *(сухо)*. Ты не бережна к моим стихам... А ведь в них теперь – я... Как прежде был в прозе моей... *(С достоинством.)* Кстати, эти мои стихи – очень дорогая вещь!.. И не надо ими уж так швыряться! Знаешь ли, старуха, что рыжий маг оценил вот эту тетрадь в шестьсот рублей двадцать три копейки?

О н а. Ха-ха! *(Поняв, что ей не избежать этой новой игры, она решает ее поддержать. Она обожает любую игру. В этом – ее суть.)* А почему – двадцать три копейки?

О н. За тетрадь!.. Нет, я не могу отдать тебе такую дорогую вещь. Довольно я транжирил в прошлом веке!.. Знаешь, я лучше прочту свои стихи вслух, потом тетрадку заберу. *(Становится в позу, открывает тетрадь, читает.)* Стих первый: «Без поллитры – нет палитры».

О н а. Ну?

О н. Все!

О н а. Ха-ха-ха!

О н. Я специально прочел, чтобы ты поняла, как я страдаю в этом доме: пить нельзя, ругаться – тоже...

О н а. А зачем вам так страдать? По-моему, вы совсем выздоровели... И что вас тут держит, Федя?

О н. Ушел бы! Убег! Но нельзя... «Не могу старуху оставить – Аню мою она должна представить». Это – стих второй!.. Хо-хо-хо! Читаю третий стих: «У меня во рту железный зуб. В грозу боюсь отрывать рот, чтобы не попала молния!»

О н а. Ха-ха-ха! Браво!

О н. Стих четвертый. Мой самый любимый:

Флаг. Крик.
Снег выпал,
И я выпил....

НЕ поняла, ведьма? С удовольствием поясню... Я вообще отношусь к своим стихам и картинам демократично... Есть такие гордые художники, поэты: напишут – я понимаю как хочешь... А я всегда на обороте картины пишу разъяснение!..

О н а. Ха-ха-ха!

О н. И со стихами – тоже... Читаю научный комментарий к прочитанному стиху: «Однажды я шел по улице. Под пальто у меня была... *(Вздыхнув.)* Да!.. И вдруг в небе – я увидел флаг. Он так хорошо реял!.. И на душе у меня оттого была такая благодать – я люблю флаги... И вот тут раздался – крик!.. Я испугался. Думаю: попаду в историю – бить будут, бутылку заберут. И побежал я прочь!

И в этот миг пошел снег – чистый, пушистый... И так мне стало стыдно, погано.. Открыл я бутылку.. и выпил...» Вот и весь стих...

О н а. Милый Федя... Добрый Федя...

О н. Какие у тебя глаза стали... Совсем ее глаза... Анины... Вот теперь ты готова... Теперь начинай... А я буду вспоминать... и плакать.

О н а *(читает)*. «Я вижу себя двадцатилетней девушкой. Ко мне подошел преподаватель стенографии Ольхин и сказал: «Анна Григорьевна, не хотите ли

получить стенографическую работу... Работа предполагается у писателя Достоевского – он теперь занят новым романом и отчет писать его при помощи стенографа...»

О н. «В тысяча восемьсот шестьдесят шестом, теснимый кредиторами, продал я право на издание всех моих сочинений спекулянту... плохому человеку, обязавшись для этого издания приготовить новый роман. Условия были кабальные: коли я не доставлю этот новый роман издателю до первого ноября тысяча восемьсот шестьдесят шестого года, то волен он даром издавать все, что я напишу в течение девяти лет, без всякого мне вознаграждения... Было уже начало октября, а за роман я не принимался. Сроку осталось уже менее месяца, когда я решился на эксцентрический, небывалый шаг – продиктовать весь роман стенографу за двадцать шесть дней».

О н а. «Четвертого октября тысяча восемьсот шестьдесят шестого года, в знаменательный день первой встречи с будущим мужем, я вышла пораньше из дома... Но чтобы не прийти к Достоевскому ни раньше, ни позже назначенного срока, я шла медленными шагами, все время поглядывая на часики... Его дом был большой, со множеством мелких квартир, наполненных купцами и ремесленниками... Он мне сразу напомнил тот дом в «Преступлении и наказании», где жил герой романа Раскольников...»

О н. Хо-хо-хо...

О н а. «Квартира тринадцать...»

О н. Квартира тринадцать! Надо же! Я жил в квартире с этим номером!

О н а. «...находилась во втором этаже. Служанка попросила меня сесть, сказал, что барин сейчас придет. И вот вышел Федор Михайлович...»

Федя поднимается, он бледен и важен.

«С первого взгляда он мне показался довольно старым. Лицо его было бледное и болезненное... Но как только он заговорил – сейчас же стал моложе. И я подумала, что ему навряд ли больше тридцати пяти – тридцати семи...»

О н. Мне было сорок четыре... Мне сейчас тоже сорок четыре... Хо-хо-хо!

О н а. «Он был среднего роста, но держался очень прямо. Свежекаштановые, даже рыжеватые волосы были сильно напомажены и приглажены. Но что меня поразило – так это его глаза... Они были разные... И это придавало лицу какое-то загадочное выражение...»

О н. Просто один зрачок у меня был сильно расширен от лекарства. Хо-хо-хо. Разговор пошел отрывочный... Я сразу сказал, что у меня эпилепсия и на днях был припадок... и мне понравилось, что ты не испугалась... Диктовать я был пока решительно не в состоянии...

О н а. «В это время вошла служанка и принесла два стакана крепкого, почти черного чая. На подносе лежали булочки... Мы пили чай... и разговор наш оживился...»

О н. Кстати, хочешь чаю? (*Вынимает термос.*)

О н а. Какой вы молодец... точная обстановка всегда помогает на репетиции.

О н. Только прошу простить... В отличие от того дня – у меня булочек нету... Правда, было варенье, но я его съел...

О н а. Ничего, ничего, я люблю чай и без варенья.

О н. Вы без какого варенья больше любите чай – без клубничного или вишневого?

О н а. Пожалуй, без клюквенного...

О н. Прошу! Ваш любимый чай – без клюквенного варенья. Итак, «...разговор наш оживился...». Теперь... когда ты все знаешь о нынешнем Феде, я должен все узнать о нынешней Ане...

О н а. Я не поняла...

О н. Мне нужно понять страдающее местечко в твоей душе... откуда может возрасти тебе Анина душа.. Без этого нельзя! Расскажи о себе все-все, старуха. *(Повторяет.)* Итак, «...разговор наш оживился...».

О н а. Но это дико... Впрочем, не более, чем все, что тут происходит...

О н. И кто же был он – кого ты так любила?

О н а *(толи издеваясь, толи всерьез)*. Вы знаете, не помню....

О н. То есть как это можно – не помнить?

О н а. Странно, не правда ли?

О н. Это более чем странно...

О н а. Стыдно, не так ли? Но выветрилось из памяти вместе с номерами тогдашних телефонов, датами встреч и, главное, - расставаний.

О н. Старуха, тебе придется его вспомнить! Мы начнем «Страшный суд» с двадцатых годов... С твоей юности.

О н а. Вы думаете, это возможно?.. В памяти такая свалка-Жизнь, роли... Все вместе... Ха-ха-ха. *(Вдруг.)* А, черт с вами!

О н. Еще чашечку вашего любимого чая без клюквенного варенья.

О н а. Я воспитывалась в богатой семье. Меня с детства окружало только прекрасное: цветы, книги любовь родителей... Но за окном уже был грозный новый мир... А я была как бы...

О н. Как бы «пришпилена» к этой домашней красоте. Хо-хо-хо!

О н а. Я задыхалась!

О н. И тогда появился ОН!

О н а. ОН был всегда! Сколько себя помню, ночью я засыпала – и представляла ЕГО. Днем я видела, что он, как пушкинский Германн, стоит за окном и ждет, ждет... ОН должен был быть непременно актером. Так же, как я... сколько себя помню – готовилась в великие актрисы... И постепенно я стала ненавидеть всю эту домашнюю красоту. Мне захотелось неизвестности... тьмы, в которой... прятался ОН! И однажды поздним вечером... я отворила дверь – и выскользнула в весеннюю ночь. Я шла по ночному городу... задохнувшись от свободы и страха девочка! И я знала – знала, что увижу ЕГО!.. И вдруг – я почувствовала руку на плече. Я поняла: предназначенное – свершилось! Я еще не видела ЕГО, но ОН потянул меня – и я уселась в остановившуюся пролетку. Боже мой, тогда еще были пролетки! Лошади помчали, ОН повернул мое лицо – и я с ужасом разглядела идиотские усы и что-то старое и страшное... ОН целовал меня. А я как во сне смотрела через его плечо... И тут увидел свое окно... Мы проезжали мимо нашего дома... Там горел свет... Я вспомнила свою любимую лампу, шаги отца... И с воплем я выпрыгнула... очнулась в постели... в блаженстве болезни... У меня была горячка... И я до сих пор не знаю – случилось ли все это... или привиделось в девичьем горячечном бреду...

О н. Да, первый поцелуй был не совсем удачен...

О н а. Знаете, второй тоже не получился... Это произошло на свежеевыкрашенной скамейке... И я была вся зеленая. Ха-ха-ха...

О н. И это был – он?

О н а. Тогда я в это верила... Во всяком случае, с ним я убежала из дому... Двадцатые годы... Конец старого мира... Естественно, он хотел стать великим

актером... А пока работал укротителем в цирке... Мы мечтали с ним о новом театре – где соединятся цирк, театр улиц и драма... Как мы жаждали обновления искусства! Как торопили время И вокруг были такие же спешащие и ужасно молодые мальчики и девочки. Мы все толкали время вред! Я помню нашу крохотную комнатку в гигантской коммуналке... Споры, крик! Мы сидим прямо на полу, на газетах. Мебели нету!.. Я не успеваю убирать за гостями. Я просто постилаю после их ухода новый слой газет... И пол растет вверх, погребая окурки и объедки... На этих газетах я стала женщиной... Я любила среди декретов, воззваний к народам, партийных дискуссий... Ха-ха-ха... И хотя я проповедовала освобождение женщины от быта и «любовь пчел трудовых», как мой кумир Александра Коллонтай... в тайниках души, не признаваясь себе, я по-прежнему... старомодно... буржуазно ждала его!

О н. Как, но...

О н а. Да, мой друг!.. К тому времени я уже поняла: мой муж не был ОН! Мой муж уже отказался от нового искусства... Он работал укротителем, должен был стать директором цирка – и был доволен... Он входил в клетку с единственным в городе львом, которого не съели в гражданскую войну... Этот лев был какой-то страшно несчастный, запуганный... лев был в цилиндре с надписью: «Мировой капитал»... И когда муж его укрощал, в клетке появлялась я – в одежде работницы! И пела над поверженным львом революционные песни. *(Поет и танцует «Карманьолу».)*

О н *(кричит)*. Не надо! Ты уже... танцевала – в прошлый раз!.. А чем кончилось?!

О н а *(задыхаясь, садится на стул)*. По-моему, я еще здесь.... А не в этой... ну, как его...

О н. В двадцать первой! Ну что вы с собой делаете?..

О н а. Что делаю? Как всегда – симулирую здоровье! Ха-ха-ха! Короче, когда я поняла, что не люблю, я тотчас ему все сказала... Он протянул мне револьвер, с которым входил в клетку, и предложил немедленно убить его, так как не мог приносить пользу делу революции! И я взяла револьвер – и без колебаний спустила курок... С криком он грохнулся на пол! Ха-ха-ха!

О н. Боже мой! Ты еще и убийца? И это – моя Аня?

О н а. Нет, промазала, а он упал, потому что лишился чувств от страха. Да и выстрелила я, потому что была уверена, что револьвер не заряжен. Я хорошо знала своего мужа. Конечно, он тоже был в этом уверен. Но произошел тот редчайший вариант – со случайной пулей в барабане! Но не могла же я бросить человека, которого чуть не убила?

О н. Ну а потом?

О н а. Потом двадцатые годы кончились... В домах уже торжествовал нормальный быт.... Муж стал директором цирка, и однажды он сказал, что больше не может жить « в доме без занавесок». Они потом все это говорили...

О н. Сколько их было?

О н а. Не все ли равно. Их никого не было – я всегда ждала ЕГО. А эти... эти все жаловались на отсутствие занавесок... Дались им эти занавески! Я, например, их просто не замечала... Я жила по-прежнему идеями! И заодно с занавесками – прозевала, как стала чуть-чуть старомодной...

О н. У тебя опять стали Анины глаза.... *(Зовет.)* Аня! Аня! *(Резко, без перехода.)* «И давно вы занимаетесь стенографией, Анна Григорьевна?..» *(Поймал ее недоуменный взгляд.)* «За чаем разговор наш оживился...»

О н а (*глядя в книгу*). «Всего полгода».

О н. «Много ли учеников у вашего преподавателя?»

О н а. «Сначала записалось более ста пятидесяти. А теперь осталось сто двадцать пять... Многие думали, что стенографии очень легко научиться. А как увидели, что в несколько дней ничему не научишься, - и бросили...»

О н. «Это у нас в каждом новом деле так: с жаром примутся, а потом быстро охлаждаются и бросают дело. Видят, то надо трудиться, а трудиться у нас кому же охота!..» Хо-хо-хо. «Я рад, что Ольхин предложил мне девицу-стенографа».

О н а. «Это почему же?!»

О н. «Да потому что мужчина наверняка бы запил... А вы, я надеюсь, не запьете?» Хо-хо-хо.

О н а. Ха-ха-ха!

О н (*зло*). Ты смеешься, потому что не смотришь в свой текст, старуха!

О н а. Простите! (*Читает.*) «Я сдержала улыбку... Я решила, если придется стенографировать в частных дома, с первого раза поставить свои отношения к малознакомым мне лицам на деловой лад, избегая фамильярности, чтобы никому и в голову не пришло сказать мне лишнее или вольное слово. Я, кажется, ни разу не улыбнулась, говоря с Федором Михайловичем, и моя серьезность ему понравилась... Беседа наша приняла еще более искренний и добродушный тон. Почему-то вдруг разговор коснулся петрашевцев – и Федор Михайлович увлекся воспоминаниями».

О н. «Помню, я стоял на Семеновском плацу, среди осужденных на смерть товарищей, и знал, что мне осталось жить всего пять минут...»

О н а (*с очаровательной, наивной улыбкой*). Вы знаете, Федя... Ведь это она все вспоминает? Не так ли? То есть она... ну, как бы произносит текст про себя?

О н. Ага, ты хочешь читать и мой текст тоже? О жадная-жадная актриса!..

О н а (*ледяным тоном*). Я никогда не отнимала чужих ролей – и чужих мужчин... (*С угрозой.*) Но свои роли... (*Торопливо читает, будто боясь, что у нее отнимут текст.*) «Помню, я стоял на плацу, среди осужденных на смерть товарищей, и знал, что мне осталось жить всего пять минут. На нас уже надели смертные рубашки и разделили по трое. Я был восьмым в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через две минуты они были бы расстреляны, и затем наступила бы наша очередь... Как мне хотелось жить, Господи Боже мой! Как дорога казалась жизнь! Сколько доброго и хорошего мо бы я сделать!.. И так захотелось все вновь испытать! И жить долго! Вдруг послышался отбой... Товарищей моих отвязали от столбов и прочитали новый приговор: мне присудили четыре года в каторжную работу. Не помню другого такого счастливого дня. Я ходил по каземату и все пел, громко пел – так рад был дарованной жизни!»

Рассказ Достоевского произвел на меня жуткое впечатление. У меня мороз прошел по коже. И меня так поразило, что о так откровенен со мной, почти девочкой, которую увидел первый раз в жизни...

О н. Хо-хо-хо... Я должен был войти в то состояние... Я просто готовился диктовать...

О н а (*читает*). «Но диктовка наша все не начиналась... Мне казалось неудобным напомнить о цели моего прихода, и я очень обрадовалась... когда он сам вдруг о ней вспомнил».

О н. Я готов! Сейчас я начну тебе диктовать. Сейчас ты начнешь за мной записывать роман «Игрок», который соединит нас навечно... Но ты еще не знаешь, что слова гения погоняют плетью судьбу. И все, что я продиктую, все, что ты доверчиво запишешь за мной, - страшно случится в твоей жизни: сразу после

свадьбы я начну играть – безумно, как играл мой герой... А ненавидимая тобой героиня романа Полина обернется реальной Полиной Сусловой... Но сейчас ни ты, ни я этого не знаем... Я хожу по комнате... и, как пушкинский импровизатор, готовлюсь войти в состояние вдохновения... Так что у тебя есть время – закончить рассказ о себе, старуха...

О н а (*послушно, ибо уже оценила эту его новую игру*). Ну а потом... потом... началась война.

О н. И там ты наконец встретила ЕГО.

О н а. И опять он оказался не ОН.. А я все встречала, встречала, встречала... Я окончила курсы медсестер и уговорила отправить меня на фронт... По дороге... (мое «везение»!) я, конечно, заболела тифом, меня обрили и привезли домой, похожую на старого, желтого китайца... Ха-ха-ха... И все-таки я вырвалась на фронт – правда, только в концертной бригаде... Я пела цыганские романсы... (*Поет.*) Я помню лица молодых солдат... (*Усмехнулась.*) И многие никогда не постарели.

О н. И ты так и не встретила ЕГО?

Она только смеется.

И когда ты перестала надеяться?

О н а. Ну что вы, Федя, я и сейчас надеюсь. Я даже отчетливо представляю нашу встречу. Подперев рукой свой постаревший овал лица, я говорю ему: «Ах, мой друг, оцените мое терпение. Я ждала вас добрую полсотню лет. Другая на моем месте давно бы померла! Ха-ха-ха...» А потом как-то позвонил мой муж номер один и сказал, что болен, и попросил зайти. Он стал совсем старый и чужой... Мы сидели в комнате, оклеенной моими фотографиями, и я все искала повод уйти... И в этот миг распахнулась дверь – и с криком «Мама!» вбежала девочка... Оказалось, он взял ее из детдома совсем крохотной. И пока она росла, все показывал ей мои фотографии, все говорил, что я – ее мама... что я к ним скоро вернусь... И она всегда меня ждала. Она вцепилась в мою руку, и я с ужасом смотрела на него: я поняла, что должна теперь жить с ними всегда... Не могла же я обмануть эту рыдающую от счастья девочку?..

О н (*вопит*). «Лишь бы дитя не плакало!» Здесь! Здесь ты срослась с моей Аней!

О н а. Милый Федя! Безумный Федя! Как мне будет не хватать ваших безумств, когда я вернусь к своим детям...

О н. Эта девочка – и есть «твои дети»?

О н а (*смеется*). Девочка вышла замуж...

О н. «Лишь бы не плакало!» Нои это и дальше в сердце! Состраданием жи, Аня. В этом и есть – Федя! А то нынче любой сытый злодей клянется Федей, а какой-нибудь преследователь человек памятник Феде норовит поставить... А я говорю: «Ставьте мне ваши памятники. Только на цоколе написать не забудьте: «Феде Достоевскому от благодарных бесов!..» Ангел мой, Аня, Христос – в тебе... Что тебе больше всего по сердцу пришлось из написанного мной?

О н а (*не отвечая*). Как трудно вспоминать... Я – девочка... Я – молоденькая женщина... Я помню это так смутно, как давно отыгранные роли... Хотя нет, свои роли я помню ясно... И Клеопатра, и Офелия... для меня куда реальнее меня самой тогда... В моих ролях было все, что со мной случилось в жизни... Я будто жила для ролей... и сейчас, когда я опять забыла номер соей комнаты, я хорошо помню номер квартиры Достоевского... И этот дом, где теперь живу, кажется мне вымыслом,

сном... А единственная моя реальность – здесь: «Солнце мой жизни Федор Достоевский»...

О н *(повторяя)*. Ангел мой, Мня, что тебе больше всего по сердцу из написанного мною?

О н а. «Преступление и наказание», Федя. Отец любил... И читал мне вслух в детстве.

О н *(хрипло, после паузы)*. А какую сцену ты любишь больше всего? Только не спеши... Не погуби меня, голубик Аня...

О н а. Это когда Сонечка... просит Раскольникову – покаяться!..

О н *(как от боли, вопит)*. А-а! Я знал, что ты это ответишь! *(Молчание.)* «Мы были.. на бале... на бале... на бале...»

О н а. Что с вами, Федя?

О н. «И с бала нас прогнали, прогнали, прогнали». *(Хохочет.)* «Прогнали по шеям...»

Прошло несколько дней. Та же гостиная. Ф е д я один.

Входит А к т р и с а.

О н а *(берет трубку)*. Я только позвоню своей гримерше. *(Набирает.)* Алло!.. На юге продолжается хорошая погода... И я запрещаю им приезжать. Баста! Пусть сидят – и ждут моего решения. Все ! *(Кладет трубку.)*

О н. Какая деспотка! По-моему, старуха, ты готовишься здесь задержаться?

О н а. Ха-ха-ха!

О н. Видишь, я был прав. Я вполне успел бы написать твой портрет. Если бы... *(Остановился.)*

О н а *(не выдержала)*. Если бы... что?

О н *(не отвечая)*. За дело! «Я диктовал роман «Игрок» с двенадцати до четырех часов. В перерывах мы пили чай и разговаривали». *(Наливая чай из термоса.)* И вновь: ваш любимый чай без клюквенного варенья!

О н а. Ха-ха-ха! *(Читает.)* «Федор Михайлович с каждым днем относится ко мне все добрее. Он часто называл меня «голубчиком» *(его любимое выражение)*, «добрый Анне Григорьевной»... Я перестала его бояться и говорила с ним свободно и откровенно. «Зачем же, Федор Михайлович, вы так часто вспоминаете об одних несчастьях? Расскажите, как вы были счастливы».

О н. «Счастлив? Да счастья у меня, голубчик Аня, еще не было.. По крайней мере такого, о котором я постоянно мечтал... Я его только жду...»

О н а. «Мне показалось странным, что этот человек в почти старых годах не имеет счастья...»

О н. «Мне предстоят сейчас три пути: или поехать на Восток, в Константинополь и Иерусалим, и, может быть, навсегда там остаться».

О н а. «Или?»

О н. «Или поехать за границу на рулетку – и погрузиться всей душой в захватывающую страсть. *(Помолчав.)* Или, наконец, жениться во второй раз и искать радости и счастья в семье. Что бы вы мне посоветовали?»

О н а. «Желания ехать на Восток или быть игроком показались мне неясными и как бы фантастическими».

О н. «Так вы думаете, добрая Анна Григорьевна, что я еще могу жениться, что за меня кто-нибудь согласится выйти? Но какую жену мне выбрать – умную или добрую?»

О н а. «Конечно, умную».

О н. «Нет, уж если выбирать – возьму добрую. Чтобы он жалела меня и любила...» Как ты хорошо посмотрела, старуха. У тебя стал совсем Анин взгляд – тихий и кроткий. Если я уйду – кто позаботится о тебе?

О н а. То есть как?! Почему - уйдете?!

О н. И еще я вот что думаю... Коли у тебя Анин взгляд... вдруг ты и есть – «голубчик Аня»!.. Вдруг ты была прежде совсем не пингвин и не камышовый медведь, а жена моя... Анна Григорьевна, которую я вновь обрел?

О н а (*механически*). Ха-ха-ха!

О н. Подожди! Но что же тогда получается?.. Если я встретил тебя снова... через сто лет... значит... значит, я снова должен на тебе жениться?!

О н а (*так же*). Ха-ха-ха!

О н. А иначе – кто позаботится о моей Ане? Я когда умирал – об этом думал... Иди за меня замуж, старуха! (*Шепотом.*) И бежим отсюда!

О н а. Какой очаровательный! Совсем «ку-ку»!

О н. Старуха!

О н а. Нет-нет, конечно, я очень польщена Федя... Жаль, что мы выступаем в несколько разных возрастных категориях.

О н. В тысяча восемьсот шестьдесят шестом году я был старый, а ты – молодая... Но ты за меня пошла? Чтобы справедливость была, в этом веке у нас все наоборот должно быть? Почему же ты не хочешь? Итак, старуха, сейчас мы будем играть сцену моего официального предложения в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году! Но ты знай, что это относится и к нынешнему времени, - ты поняла?

О н а. Двойное предложение! Ха-ха-ха... Но я совсем не готова к такой важной сцене. В эти мгновения женщина должна быть в наилучшей форме. А у меня отвратительно голые руки...

О н. По-моему, старуха, ты хочешь, чтобы я вернул тебе твое кольцо?

О н а. На время... пока будете делать предложении. Может быть, это последнее предложение в моей жизни. И я должна быть само совершенство. Ха-ха-ха! Как Сара Бернар, я обожаю драгоценности на сцене.

О н. Надеюсь, помнишь мой принцип: в этом веке – ничего задаром? (*Вздохнув.*) Ну, хорошо, компромисс: я дам тебе поносить кольцо – в долг!

О н а. Я никогда не брала в долг! Сама – давала, но не брала! Это мой принцип.

О н. Ага, значит, я должен уважать твои принципы, а ты можешь плевать а мои? Все, старуха! Соблюдаем мой принцип: я дам тебе поносить твое бывшее кольцо за то... что ты отдашь мне твои нынешние серьги!.. Хо-хо-хо!

О н а. Ну, знаете!..

О н. Феде нужен капитал, старуха, чтобы содержать гения кота и, возможно, жену Аню, которой я сейчас сделаю предложение.

О н а. Ха-ха-ха... Где наша не пропадала! Согласна: остаюсь нагая! Ха-ха. (*Снимает серьги, надевает кольцо, поигрывает им.*)

О н. За дело! Поверь, мам нужно спешить!

О н а (*открывая книгу*). «У нас уже повелось: когда я приходила стенографировать, Федор Михайлович рассказывал мне, что он делал и где бывал в те часы, когда мы не виделись».

О н (*усмехаясь*). «В эти дни я придумывал новый роман».

О н а. «И кто же герой нашего романа?»

О н. «Художник. Человек немолодой, одним словом... моих лет».

О н а. «Интересный роман?»

О н. «Для меня он очень интересен. Только вот с концом романа сладить не могу... Тут замешалась психология молодой девушки... И вот теперь за помощью обращаюсь к вам...»

О н а. «Я с гордостью приготовилась помогать «известному писателю»... И полилась его импровизация! Никогда – ни прежде, ни после – я не слышала от Федора Михайловича такого вдохновенного рассказа.... Чем дальше он шел, рассказывая «роман», тем яснее мне становилось, что Федор Михайлович рассказывает всю свою жизнь: суровое детство.... Ранняя потеря любимого отца... какие-то роковые обстоятельства, которые отрывают художника на десятки лет и от жизни, и от любимого искусства... Тут было и возвращение к жизни. И встреча с женщиной, и муки, доставленные ему этой любовью.. Душевное состояние героя, его одиночество, жажда новой жизни, потребность любить и страстное желание вновь найти счастье... При этом Федор Михайлович не жалел для своего героя самых темных красок...»

О н. «Это был человек преждевременно состарившийся, больной неизлечимой болезнью, хмурый, подозрительный... правда, с нежным сердцем, но не умеющий высказывать свои чувства... Художник, может быть, талантливый, но неудачник, не успевший ни разу в жизни воплотить свои идеи в формах, о которых мечтал».

О н а. «Зачем же вы так обидели вашего героя?»

О н. «Я вижу, он и вам не симпатичен?»

О н а. Напротив, очень симпатичен. У него прекрасное сердце... Ведь другой, испытавший столько горя, ожесточился бы, а ваш герой все еще любит людей... Нет, вы решительно к нему несправедливы».

О н. «Я согласен: у него действительно доброе, любящее сердце... (*Тихо.*) Как я рад, что вы его поняли! И вот он встречается на своем пути девушку ваших лет... Назовем ее Аней, чтобы не именовать «героиней», это имя хорошее».

О н а. «В ту минуту я совсем забыла, что меня зовут Аней... так мало я думала, что рассказ имеет ко мне отношение...» Ха-ха-ха!.. «...Придавая в те годы большое значение женской красоте, я не удержалась и спросила: «А хороша ли собой ваша героиня?»

О н. «Не красавица, но очень недурна. Я люблю ее лицо... Художник встречал ее... ну, допустим, в художественных кружках... И чем чаще ее видел, тем более она ему нравилась, тем сильнее крепло в нем убеждение, что с нею он сможет найти счастье... Но мечта эта представлялась ему невозможной... Что он может, старый, больной человек, обремененный долгами, дать молодой, жизнерадостной девушке? Да и вообще, возможно ли, чтобы молодая девушка, столь различная по характеру и летам, могла полюбить моего художника... Не будет ли это психологической неверностью?»

О н а. «Что в том, что он болен и беден? Неужели любить можно лишь за внешность и за богатство? Если она не пустая кокетка, а обладает хорошим сердцем, почему ей не полюбить вашего художника?»

О н. «Значит, вы серьезно верите, что она могла полюбить его искренне и на всю жизнь?.. (*Долго-долго молчит.*) Поставьте себя, голубчик Аня, на минуту на ее место. И... представьте, что этот художник – я... Что это я признался вам в любви и просил быть моей женой.. Скажите, что бы вы мне ответили?»

О н а. «Лицо Федора Михайловича выражало такую сердечную муку!» *(Долгое-долгое молчание.)* Я бы вам ответила... что я вас люблю и буду любить всю жизнь!»

О н *(кричит)*. «Всю жизнь»! Всю жизнь?.. Скажи лучше: «Все жизни!» Но тогда?.. *(Нежно.)* Тогда ты должна сейчас идти за меня, старуха! Я прошу тебя: будь моей женой, а?

О н а *(неловко)*. Ха-ха-ха... Вернемся лучше в прошлое, Федя. Там у нас все куда удачнее...

О н. Значит, ты не хочешь? Точно? *(После паузы.)* Вот ты и приговорила меня. Теперь без угрызений совести я уйду...

О н а. Как?.. *(Почти пугаясь.)* Куда?

О н. Так всегда в жизни: грозилась уйти отсюда ты, а ухожу я...

О н а *(помолчав)*. Когда?

О н. Скоро... Может, очень скоро... Потому нам нужно спешить... спешить... чтобы успеть все доиграть, Аня...

О н а. Соскучился по вольной жизни, Федя?

О н *(не отвечая)*. Итак, сразу после свадьбы мы уехали с тобой в путешествие за границу. Но я оставил тебя в персом же отеле! Я умчался за рулетку!... Я посылал тебе безумные письма! Игра! Игра! Игра!.. Ты вспомнила дьявольский роман?

О н а *(не отвечая)*. А в общем, так у меня всегда... Клялись, добивались.. А потом: «Где занавески?» Ха-ха-ха! Я их не любила, но бросали меня – они... Театр – это единственный мужчина, которого бросила я. Ха-ха-ха! Может быть, потому, что он был единственный, кого я любила?..

О н. Обиделась, старуха? И я – обиделся! Как же ты могла подумать, что я добровольно тебя покину?.. Ты сама приказала мне уйти... Только наша свадьба могла отменить твоё приказание... Но ты не захотела.

О н а. Что вы несете, Федя?

О н. Сейчас я начну читать мои письма с рулетки... И ты поймешь, что такое колдовство игры... Ах, это мучительное ожидание решающей минуты.. Все естество замирает... Ты над бездной... О, кто раз это вкусил! Это – навечно. И я остался игроком – в этом веке! И буду им во все века! Но я подумал: Федя Достоевский играл – и всегда проигрывал! И потому по справедливости – в этом веке я должен непременно выигрывать! И я стал.. Как бы это сказать – вечным победителем в игре... То есть... *(Замолчал.)*

О н а. Шулером?

О н. Но с возрастом все чаще приходила мысль: а может, все это я придумал – «про справедливость»? Может, я попросту перестал быть мучительным Федей, а стал – обыкновенный, сытый вор? И однажды я решил покаяться... Я сказал об этом партнерам... Как они меня били!.. Чудом – не убили!.. Вот почему я приполз сюда... Но все их боялся!.. И от подлого страха за падальную свою жизнь – я под диван и заполз!.. Но все равно раскаянием мучился... И вот тогда я спросил тебя... мою Аню – про любимую книгу... И Аня устами твоими, старуха, мне и приказала: «Как Родя Раскольников, покайся!» И сегодня утречком – я позвонил... Скоро, скоро они придут за мной!

О н а *(после паузы)*. Послушайте, Федя, а может, все это вам... привиделось?

О н *(охотно)*. Может. *(Шепчет.)* А может, и нет... Скоро, скоро узнаем... *(Протягивает рукопись.)*

О н а. Что это?

О н. Твои записи, Аня... То, что ты писала в дневник... когда мои письма с рулетки получала...

О н а. Как я не люблю читать с листа...

О н. А ты представь: прошло много лет... И вот ты с трудом... разбираешь свои записи.. и читаешь... Итак, мое первое письмо к тебе... после того, как я на рулетку уехал... «Гамбург, восемнадцатого мая тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года...»

О н а. Как... опять... наизусть?..

О н. Неужели ты думаешь.. что я могу забыть свои письма к Ане? Или ты все еще не веришь, что я – он? *(Повторяет.)* «Гамбург, восемнадцатого мая... День вчера был холодный и даже дождливый... А тут игра, от которой не мог оторваться! Можешь представить, в каком я был возбуждении! Представь себе: начал играть – и к обеду проигрался» Вот мое наблюдение, Аня, окончательное: если быть благоразумным, то есть быть как из мрамора холодным и нечеловечески осторожным, то непременно, без всякого сомнения, можно выиграть сколько угодно! Но играть надо много времени, много дней, довольствуясь малым, если не везет, и не бросаясь насильно на шанс! Постараюсь употребить нечеловеческое усилие, чтобы быть благоразумным! Но с другой стороны – я никак не в силах оставаться здесь еще на несколько дней! Безо всякого преувеличения, Аня, мне до того все это противно, что я бы убежал! А как еще вспомню о тебе – так и рвется к тебе все существо... Ах, Аня, нужна ты мне, я это почувствовал!.. Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным. Это только снаружи таков я – надломленный и испорченный судьбой! Внутри же – другое дело, поверь, поверь!..»

О н а *(читает)*. «Я была так счастлива этим письмом... Прочла его два-три раза и украдкой поцеловала... Как Федя умеет писать письма – будто говоришь с ним... Пришла домой и еще прочла письмо четыре раза...»

О н. «Двадцатого мая, Гамбург... Милая моя, простишь ли ты меня?.. Веришь ли, я проиграл все, все до последней копейки, до последнего гульдена! Решил написать тебе, чтобы поскорее прислала мне деньги на выезд. Но вспомнил о часах и пошел их продать или заложить... И представь, на эти деньги отыгрался. Что-то сегодняшний день?..»

«Двадцать первого мая. Милый мой ангел, вчера испытал ужасное мучение: иду на почту – и вдруг отвечают: нет от тебя письма. У меня ноги подкосились, не поверил! Бог знает, что мне приходило в голову, клянусь тебе: более мучения и страху я никогда не испытывал! Мне все приходило в голову. Что ты больна, умираешь! С час я ходил по саду весь дрожа, наконец пошел на рулетку и все проиграл! Руки у меня дрожали, мысли терялись, и, даже проигрывая, почти как-то рад был, говорил: «Пусть, пусть!» И вдруг мне мелькнула мысль, ведь, в сущности, ты не могла успеть бы прислать мне ответное письмо... И я тотчас будто из мертвых воскрес... Аня, милая, что же такое ты для меня значишь, коли я так мучаюсь? Ведь я еще никогда, никогда до такой степени не мучался и не боялся, как вчера, в тот ужасный час! Нет, Аня, сильно надо любить, чтобы так чувствовать...

Если же ты не больна и все как следует, то, друг мой, с получением этого письма тотчас же займись поскорее моими делами. Слушай же: игра кончена – хочу поскорее воротиться, пришли же мне немедленно двадцать импералов... Немедленно! В тот же день, в ту же минуту! Обнимаю тебя крепко, целую бесчисленно, твой весь, твой муж, тебя обожающий!..»

О н а. «Двадцатого мая. Федя писал, что все проиграл. Я пришла домой и страшно расплакалась. Я плакала долго и много и просила Федю, чтобы побыстрее приехал. Мне страшно без него оставаться... или меня тяготит мысль... что выигрыш в рулетку – это нечестное дело? Лучше не разбирать этих чувств...»

О н. «Двадцать второго мая. Вчера получил твое письмо и обрадовался до безумия. И вместе с тем ужаснулся... Что же ты с собой делаешь, Аня, в каком находишься состоянии?.. Ты плачешь, не спишь и мучаешься? Каково мне было об этом прочесть? Милая моя, ангел мой бесценный, сокровище мое, я тебя не укоряю, напротив, ты для меня еще милее, бесценнее с такими чувствами!.. Каждый день, вставая утром, я решал про себя, что это последний мой день в Гамбурге, что завтра уеду и, следовательно, нельзя мне выжидать у рулетки. Я спешил поскорее, изо всех сил выиграть сколько можно было – зараз! В один день. Потому что завтра ехать хотел! Хладнокровие терялось – нервы раздражались, я пускался рисковать... и – проигрывал!! Вся ошибка в том, что мы разлучились... что я не взял тебя с собою... И я о тебе тоскую – и ты чуть не умираешь без меня!.. Но посуди, что было, например, вскоре со мною; отправив письмо с просьбой выслать мне деньги, я пошел в горную залу... Я употребил сверхъестественное почти усилие – быть хладнокровным целый час. Я выиграл триста гульденов. Я был так раз и так страшно, до безумия захотелось мне сегодня же, поскорее ве покончить, выиграть хотя бы вдвое – и немедленно ехать к тебе, что, не дав себе отдохнуть, бросился на рулетку – и все, все проиграл до последней копейки!..»

О н а (*долго смеется*). «Прочла и увидела, что Феде, видимо, Очень хочется остаться и еще поиграть... Я ему тот час написала, что, если хочет, пусть остается там. Я предполагаю, что он останется. Пусть лучше эта несчастная идея выигрыша выйдет у него из головы!..»

О н. «Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй подлецом! Я сделал преступление – я все проиграл, что ты мне прислала, - все-все, до последнего крейцера, вчера же получил - и вчера проиграл! Аня, как я буду глядеть на тебя, что скажешь ты про меня теперь? Одно, только одно ужасает меня – что ты скажешь, что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен!..

...Аня, только бы мне любви твоей не потерять!.. Теперь поскорее к тебе. Присылай скорее, сию минуту денег на выезд – хотя бы они были последние!»

О н а. «А потом Федя вернулся... Но уже скоро, рассчитывая наши деньги, он сказал, откладывая сто франков на стол: «А вот на эти деньги я отправлюсь играть в Саксон Ле Бен». Вот ведь странный человек. Кажется, судьба так много раз показывала, что ему не разбогатеть на рулетке, - нет, этот человек неисправим, он все-таки убежден – я уверена: убежден, - что непременно выиграет!.. «Коли ты согласна?» - спросил меня он. «На все согласна». Он это согласие должен ценить, что я никогда ни о чем не спорю, а всегда стараюсь как можно скорее согласиться, чтобы не было ссоры... Вечером мы говорили о Евангелии и Христе, говорили долго. Меня всегда радует, когда он со мною говорит не об одних обыкновенных предметах – о кофе да сахаре... Ночью, когда он пришел прощаться, то много и нежно меня целовал, сказал, что решил завтра ехать, чтобы непременно вернуться в воскресенье, потому что долго без меня пробыть не может. «Я жить без тебя не могу – как мы срослись, Аня, и ножом не разрежешь...» А потом, в постели, он сказал: «Вот для таких, как ты, - и приходил Христос. Я говорю не потому, что люблю тебя, а потому, что знаю тебя».

О н. «Ах, голубчик. Не надо меня и пускать к рулетке: сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют... С первых ставок спустил пятьдесят франков, потом вдруг

поднялся, не знаю на сколько, потом пошел страшный проигрыш. И вдруг отыграл... на самые последние отыграл все мои... и, кроме того, в выигрыше – сто десять франков... Если что-нибудь еще прибавлю к выигрышу, то завтра же непременно пошлю тебе, а сам, наверное, приеду послезавтра, то есть во вторник!..»

О н а. «Сегодня – вторник, я встала довольно рано и тотчас принялась за Федино пальто. Мне хотелось, если бы Федя приехал даже и сегодня пальто было бы готово – если не все, то хотя бы наполовину. Но когда я посмотрела на пальто, то оно оказалось до такой степени грязное... Мне пришло в голову отдать его в стирку – но надо было заплатить непременно франка два, а у на этих франков – ужасно мало... На почте я получила письмо от Феде: он извещал, сходил на рулетку: сначала было все проиграл, но потом как-то отыгрался и даже выиграл сто франков, хотел было послать их мне, да подумал, что мало и что, если у него будет хотя бы еще сто, - непременно пришлет их мне. «Ну, - подумала я, - это все пустяки – больше ничего ты, батюшка, мне не пришлешь это известное дело». Потом я пришла домой, пообедала и опять принялась за шитье, так что пальто сильно подвинулось!..»

О н. «Аня, милая, я хуже, чем скот! Вчера к десяти часам был в чистом выигрыше: тысяча траста франков! Сегодня – ни копейки! Все! Все проиграл! И все оттого, что подлец лакей не разбудил, как я приказал, чтобы ехать в одиннадцать в Женеву. Я проспал! Нечего было делать, надо было отправляться в пять часов, я пошел в два часа на рулетку – и все! Все проиграл! Осталось четырнадцать франков – ровно чтобы доехать... Душа ты моя, радость ты моя. Брани меня, скота, но люби меня. А я тебя люблю безумно. Теперь чувствую, как ты мне дорога!.. До свидания, до скорого!..»

О н а. «...Наконец поезд пришел, Федя показался у двери вагона со страшно расстроенным лицом. Я поняла, что это значит – полная неудача. Он был чрезвычайно бледен, как-то измучен и расстроен. Мы вышли, я начала его утешать!»

О н. «Вот беда-то какая... вот беда... Видишь, у меня даже пальто нет, там оставил, хорошо, что еще тепло а то я мог бы простудиться... Ведь у меня было тысяча триста франков!! В руках!! Я велел разбудить себя, чтобы ехать в утреннем поезде, но подлец лакей не думал меня будить – и я проспал. Потом пошел – и все проиграл... Потом заложил пальто».

О н а. «Я даже не слушала, что он говорит: вот, думала, давалось счастье в руки – не мог привезти домой выигранного... Хотя я про себя уверена, что лакей разбудил его вовремя... Тут явилась мысль: дескать, я непременно выиграю, не только что одну какую-нибудь тысячу, а уж наверное – десять, чтобы облагодетельствовать всех своих подлецов родственников. Ну, разумеется, дикие мысли пошли: вдруг разбогатеть! Вот и пошел – и все проиграл!..

...Потом Федя лежал на постели, думая заснуть, и ужасно как мучился мыслью, что все проиграно опять вещи закладывать, эта подлая необходимость!..

Ночью в десять минут третьего, с Федей сделался припадок. Припадок был из сильных. Через десять минут Федя пришел в себя и говорил со мной, но очень долго не мог припомнить где он был, откуда приехал. Это его очень мучило. Утром я пошла на кухню заваривать кофе, и старухи хозяйки начали ужасно жалеть Федю. Я рассказала это Феде, а он тотчас придумал историю...»

О н. Хо-хо-хо. «Когда мы съедем, они начнут рассказывать: «Ах, у нас жили русские, такая молодая, интересная особа, всегда такая веселая... и старый идиот. Он был такой злой, что ночью падал с постели, и делал это назло! Ах, он был такой

злой, и эта бедная молода особа!» Хо-хо-хо! *(Вдруг безумно.)* Аня! Аня! Я слышу! Они подходят к дому, я чувствую. *(Бросается к двери, закрывает задвижку.)*

О н а. Кто – «они», Федя?

О н. Скоро они войдут! Убежим! Еще есть время!..

О н а. Ну не надо безумствовать... Мы так хорошо читали...

О н. Старуха, я отобрал у тебя все драгоценности. У тебя ничего нет! Ты беспомощна, как все красавицы... Ты сгинешь здесь без меня – уже через месяц!

О н а *(сухо)*. Через месяц... Я давно вернусь домой, мой дорогой «ку-ку»!

О н. Тебе некуда возвращаться - у тебя нет дома!

О н а. Что вы мелете, негодяй!

Он. И никакие дети не ждут тебя.

О н а. Замолчите!

О н. Ты думаешь... я не знаю, какой гримерше ты звонишь по телефону? А ну-ка набирай! Ну, что ж ты?

О н а. Оставьте меня!

О н. Как? Ты больше не хочешь беседовать с твоей преданной гримершей? Ты не хочешь, как всегда, поговорить с ней по телефону... который, правда, не соединяется с городом... Потому что он – местный! Хо-хо-хо! Что ты молчишь, старуха? Они сдали тебя в этот дом? Обещали забрать – и не забрали! Великую актрису! Хо-хо-хо!

Она молчит.

У тебя нет никого! Один я!.. В последний раз: выходи за меня, старуха! Ты ведь была моей женой когда-то! Целых четырнадцать лет! Я буду тобой любоваться! Я буду о тебе заботиться, как ты когда-то – обо мне... Почему ты молчишь, великая, старая и никому не нужная актриса?

О н а *(бешено)*. Милый мой, вы зарвались!.. Вы вообразили себя Достоевским, и я охотно вам подыгрывала!.. Я даже согласилась вообразить себя Актрисой... Ха-ха-ха!

О н. То есть как?.. Ты что?

О н а. Но должны быть пределы безумию!.. *(Яростно, как монолог из драмы.)* Хоть вы и сумасшедший – но как вы осмелились подумать... что она... Великая Актриса может быть – не нужна? Как вы дерзнули произнести своим жалким языком, что ее – от которой сходили с ума толпы – можно сдать в этот жалкий дом?.. Я была рядом с нею, когда в двадцатом году, после спектакля, толпа выпрягла лошадь – и везла ее на себе домой!!! И все ее нумерованные мужья, уйдя от нее, обожали ее!!! Всю жизнь!!! И ей достаточно было бы слово сказать – и они примчались бы! Принесли бы к ней!

О н. Откуда – принеслись?

О н а *(засмеялась)*. С того света, мой друг! Оттуда тоже прибегают, если любят! Но ты не можешь этого понять, мой жалкий товарищ.

О н. Что ты несешь, Старая Актриса?

О н а. Заткнись, идиот! Актрисы здесь нет и быть не может! *(Засмеялась.)* Ее с год как... нет... *(Опять выпрэнно, как монолог.)* Как она умирала? Она умела умирать – она столько раз это делала на сцене... «Святые доски сцены...» - их она видела в забвении... И все разговаривала с умершими партнерами... со своими великими мертвыми партнерами... Они стояли вокруг ее кровати – они не бросили ее, они помогли ей сыграть последний спектакль. Она вовремя набросила одеяло

на лицо, чтобы агония не исказила черты... И сказала мне... мне!.. свою последнюю фразу: «Помни, когда меня сожгут, я буду стоять рядом с тобой и смеяться над теми, кто поверит, что я исчезла... Я не исчезну... я только «спрячусь в природе...» Ха-ха-ха!» И она засмеялась. *(Смеется.)* Я всегда умела смеяться точно так, как она... Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!.. Ей это нравилось... Как и мне, впрочем... Потому что есть такая поговорка: «Когда у женщины красивые зубы, она все находит смешным». Ха-ха-ха!.. Как я мечтала умереть раньше нее! Но она, как обычно, не посоветовалась со мной... И когда очутилась здесь – я сказала себе: ты была ее примершей всю жизнь... ты заслужила право хоть немного побыть ею!.. Жаль, что вы погубили эту игру.

*Долгое молчание...
Он опускается перед ней на колени.*

О н. Значит, это ты всю жизнь любила... и всю жизнь служила?.. *(Целует ей руки.)* Значит, это ты – моя жена Аня? *(Зовет.)* Аня! Аня! Аня!

Стук в дверь.

Г о л о с и з – з а д в е р и. Можно Федю?

О н. Феде нету!

Г о л о с. А вы кто?

О н. Я – Федя. *(И вдруг резко срывается, бросается за дверь. Дверь захлопывается.)*

О н а *(бессильно стучит в закрытую дверь)*. Федя! Феденька! *(Бьется в дверь.)* Федя!

Г о л о с Ф е д и. Аня! Аня! Пустите меня к ней! Она разбила мою жизнь! Ан! Ну что же ты?! Ну скорее, читай. Аня, они уведут меня...

О н а *(ковыляет к столу, берет книгу)*. Он... умер?

Г о л о с Ф е д и. Он умер.

О н а *(начинает читать)*. «Двадцать седьмого января тысяча восемьсот семидесятого года... Проснулась я около семи утра и увидела, что муж мой смотрит в мою сторону... «Знаешь, Аня, я уже три часа не сплю и все думаю... и только теперь я осознал ясно, что сегодня умру...» *(Плачет.)* «Голубчик, зачем ты это думаешь? Ведь теперь тебе лучше, кровь больше не идет?.. Ради Бога, не мучай себя, ты будешь жить, уверяю тебя!» - «Нет, я знаю, я должен сегодня умереть... зажги свечу и дай мне Евангелие». Это Евангелие было подарено Федору Михайловичу женами декабристов в Тобольске, когда он ехал на каторгу, и было с ним всю жизнь... Он часто, задумав что-то или сомневаясь в чем-либо, открывал Евангелие и прочитывал то, что стояло на первой странице *(левой от читавшего)*. И теперь он сам открыл святую книгу... Открылось «Евангелие от Матфея». *(Рыдает.)* «Иоанн же удерживал его и говорил: «Мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне». Но Иисус сказал ему в ответ: «Не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду...» - «Ты слышишь – «не удерживай»... значит, я умру», - сказал муж и закрыл книгу... Я не могла удержаться от слез. Федор Михайлович стал утешать меня, говорил мне ласковые слова, благодарил за счастливую жизнь, которую прожил со мной. Затем он сказал мне слова, которые резкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни: «Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе даже мысленно».

Возникает тишина, очень долгая тишина. И друг раздаются бурные аплодисменты. Крики «браво!» в мегафон. Дверь распаивается – и влетает Ф е д я.

Ф е д я. Ах, какой финал! Брависсимо! Поздравляю: съемка кончилась! *(Орет.)* Ночные актеры! Быстрее стягивайте с себя одну личину, чтобы оставить другую!.. Хо-хо! Можешь разгримироваться, старуха! Ты здорово сыграла финал. У меня – мурашки по спине. *(Хлопает.)* Аплодируют и все бараны в зале! *(Овация за дверью.)* Слышишь – дружки в пивбар ждут! Хо-хо!

Она молча, почти в ужасе глядит на него.

Ну, что вылупилась?.. Сколько я звонил тебе за эти годы – сколько унижался?.. Ах, сыграйте в моем фильме «Чайковский». Хо-хо! Узнала? По-моему, ты потрясена, карга? Тогда – тысяча пардонов! Но у меня не было выхода: ты должна была сыграть в моем гениальном фильме – про Федю Достоевского! Здорово я вытащил из тебя Аню? Сколько сил! Я рад, я не ошибся в тебе. Ты по-прежнему – великая! Ай да я, ай да Федя! Гений!

Она начинает хохотать. Она безумно хохочет.

О н а *(погибая от смеха)*. А я все думала, на кого вы похожи? И только теперь поняла! На моего мужа номер три! Он был тоже режиссер! И тоже был помешан на том, что все делает гениально! Он так храпел во сне, что я его всегда будила и умоляла: «Пожалуйста! Не спи как гений! Спи как все». Ха-ха-ха!.. Значит, и директор этого дома?..

О н. Ага! Хо-хо-хо! И твои дети, кстати, тоже!.. Они никуда не уезжали!

О н а. Ха-ха-ха! Они готовятся обнять свою бабулю?

О н. Угу! Они спят и видят на экране обвал твоего лица!.. Хо-хо-хо! *(Бормоча.)* Всех дураков обманул Федя! Все так хорошо получилось!

О н а. Ха-ха-ха! Да, все отлично! И чтобы стало совсем замечательным, вы сейчас ноги в руки – и вон отсюда! *(Орет.)* Убийца!

О н *(изумленно)*. Не понимаю, старуха?

О н а *(захлебываясь)*. Ты убил Федю? *(Издеваясь.)* Может, это его я ждала полсотни лет!.. *(Вопит.)* Однако здесь все еще пахнет режиссером. *(Ковыляет к вазе.)* С режиссерами в моей жизни давно покончено! *(Швыряет в него вазу.)* Вон! *(Швыряет в него ведро с хлоркой.)* Вон! Вон! Вон!

О н *(уворачиваясь)*. И чего шумит?.. Я и так ухожу отсюда... Я всегда ухожу... когда съемку закончил...

О н а *(потерявшись)*. Какую... съемку?

О н *(вдруг шепотом)*. А я тебе не объяснил? Я по-новому снимаю *(таинственно)*, без пленки. *(Отходя к дверям.)* Я уже сколько лет так снимаю: и про Чайковского так снимал... и про Толстого Льва... и про Высоцкого Володю... А теперь вот – про Аню и Федю... снял! *(Совсем безумно.)* Надо только верить! *(Подмигнув.)* Мы-то с тобой верим, ведьма: «Не улетают слова – и остается произнесенное... И воображение – реальнее реальности...» Это открыл я, Федя, - режиссер, гений! Хо-хо-хо! *(Убегает.)*

Она одна. Долго сидит молча, потом улыбнулась.

О н а. Это был он?.. Ха-ха... «Мы были на бале... на бале... на бале...»
(Останавливается, будто ожидая голоса из-под дивана.) «И с бала нас прогнали...»
(Вновь вслушивается, но в комнате тишина.) «Прогнали по шеям...» (Она со вздохом поднимается и как-то трудно, волоча ноги, идет к эстраде, поднимается и медленно начинает.) «Солнце моей жизни Федор Достоевский... В тысяча девятьсот десятом году, живя в полнейшем уединении, я погрузилась душой в прошлое, столь для меня счастливое...»